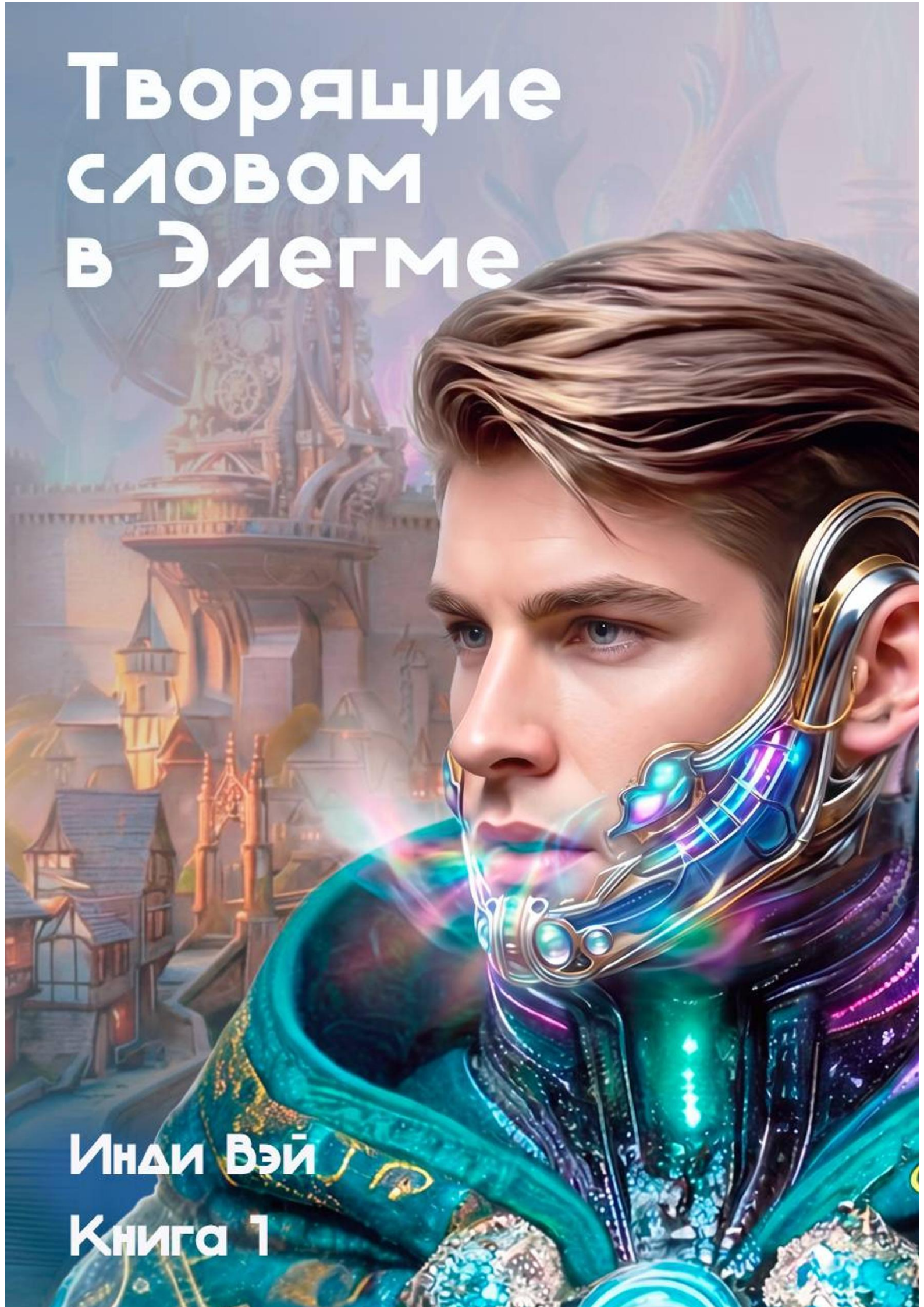

Творящие словом в Элегме

Инди Вэй
Книга 1

Инди Вэй

Творящие словом в Элегме

«Автор»

2026

Вэй И.

Творящие словом в Элегме / И. Вэй — «Автор», 2026

В мире Элегмы Слово — это не просто звук, а инструмент, творящий саму реальность. Титорам Амбусто рождён в сияющих чертогах Верхнего города, среди аристократов, чьему голосу повинуются Ткань Вселенной. Но наследник древнего Дома живёт с опасной тайной: он обучает искусству Творения тех, кого жестокая кастовая система обрекла на гниение в мусорных лабиринтах Нижнего города. Когда пропадает Мзия — сестра его лучшего друга, — Титорам вынужден спуститься в смрад и копать свалок, чтобы спасти её. Но то, что он находит внизу, страшнее самой лжи, на которой держится Верхний город. Похищенная девушка — лишь пешка в чудовищной игре Верховного Совета. Заговорщики замышляют «Чистилище» — план, который поглотит миллионы жизней ради мнимого спасения элиты. Чтобы остановить заговор, Титору придется разрушить священные мифы о Великом Пророке, бросить вызов самим архитекторам мира и заглянуть в бездну под древней Пирамидой.

© Вэй И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Неудачная кража	5
Глава 2 Видение Тита	8
Глава 3 Титорам Амбусто Тидра Ти	12
Глава 4 Академия звука	15
Глава 5 Вечерняя школа	21
Глава 6 Верховный Совет Академии	25
Глава 7 Криптулита	30
Глава 8 Торшон	33
Глава 9 Неудачный налёт	37
Глава 10 Неожиданная встреча	41
Глава 11 Выгодная партия	46
Глава 12 Канзия	52
Глава 13 Двойной облом	57
Глава 14 Отец Ходера	62
Глава 15 Злоключения Торшона	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Инди Вэй

Творящие словом в Элегме

Глава 1 Неудачная кража

В час знойного и смрадного заката, на шумном базаре ремесленного квартала, прилепившегося к мусорным лабиринтам утилизаторов, появились два высокородных господина в сверкающих одеждах. Защищая себя от воздуха, пропитанного жаром выгоревшего железа, пряной горечью расплавленных смол и запахами каких-то невообразимых для высшей касты блюд, они закрыли лица причудливыми масками-воротниками, доходящими до самых глаз. Одежды их жили своей жизнью: по тонким нитям, вплетённым в ткань, бежали лиловые искры, на нагрудных пластинах пульсировал холодный бирюзовый свет, орнамент на их костюмах испускал мягкое золотое сияние.

Рынок кипел голосами, которые спорили за место под солнцем, перекрикивая друг друга.

Титора́м Амбусто Тидра Ти двигался здесь с таким же искусством, как рыбак скользит меж волн на знакомой реке. Его друг, Ходер Хор Дер Га, шёл, явно выказывая брезгливое пренебрежение ко всему, что их окружало. Приятели шествовали молча. Толпа расступалась перед ними с почтительным страхом — эти двое выглядели так, будто принадлежали к иной расе. Люди вокруг были ниже ростом, с грубыми чертами и потемневшей от солнца кожей. Одежда — из переработанных фрагментов: то, что в Верхнем городе отслужило своё и было выброшено, здесь шло на плащи, ботинки и даже украшения.

Толпа на рынке шумела и колыхалась, но у витрины с механическими кузнечиками было заметно тише. Приятели подошли ближе и остановились. Ходер медлил, всматриваясь в блестящие металлические игрушки с тонкими лапками, будто выбирал подарок. За прилавком стоял продавец — сухой, поджарый мужчина в годах, с холодным сосредоточенным лицом, в кожаном френче, увешанном шестернями, трубками и мелкими приборами; рабочие ли это механизмы или декор, было не понять. В Нижнем городе, где одежду шили из того, что выбрасывал Верхний, никто не обращал внимания на такой костюм, но примечательного в нём было куда больше, чем казалось. Он ловко выставял заводных кузнечиков на обозрение. Несколько мгновений — и Ходер поймал взгляд продавца: едва уловимый, почти невидимый поворот головы означал слово «нет».

Ходер коротко склонил голову в ответ, тяжело, с усилием выдохнул и опустил плечи. Тит положил ему ладонь на локоть, сказал негромко — почти шёпотом, чтобы не привлекать внимания:

— Ничего, мы найдём её, обязательно найдём. Ещё не всё потеряно.

Взгляд Ходера потух, будто внутри погас последний огонёк.

Казалось, даже кузнечики на витрине на секунду замерли, реагируя на его горечь. Тит чуть крепче сжал его руку, посмотрел в глаза, которые из колючих и холодных стали растерянными, почти беззащитными, коротко обнял его и повёл вперёд, прочь от давки и смрада Нижнего города. Они уже подходили к выходу с рынка, когда Тит заметил необычную антикварную лавочку с нетипичными для этого места предметами.

Титора́м замешкался рядом с приставным прилавком артефактов, разглядывая странный предмет в виде стрекозы с опаловыми крыльями, с холодным металлическим отливом и едва заметным внутренним свечением. Из полукрытого кармана его сияющего плаща виднелся округлый край золотой коробочки — будто нарочно дразня всех любопытных и отчаянных. Это была небрежность, которую редко прощает Нижний город.

В этот момент в гуще многоликой толпы, среди замасленных рукавов, торб и развевающихся пол плащей, мелькнула рука — тонкая, грязная, ловкая. Пальцы мальчишки из касты утилизаторов виртуозно вытянули коробочку из кармана Тита.

Тит снял блокатор. У любого другого Творца уже слетело бы с губ неумолимое слово «Антандо», воздух затрещал бы арканом-ловцом, и вор, связанный, оказался бы на коленях, вынужденный ждать расправы.

Но Титорам лишь вздрогнул, на секунду потеряв дар речи. Вместо магии — почти комическая паника: он рванулся вдогонку, неуклюже споткнулся о железный прилавок, едва не сбив с ног прохожего.

Его друг без всяких церемоний снял с лица блокатор творения и выкрикнул короткое заклинание, прозвучавшее, как будто его произнесли в рупор, перекрывая другие звуки рынка. Воздух сжался, свернулся в прозрачное лассо. Оно просвистело, как ветер, через полрынка и мёртвой хваткой обвилось вокруг босых ног мальчишки, подтянуло его обратно к благородным господам. Мальчишка, весь в песке и грязной воде рыночных луж, дрожащий, как вымокший воробей, вжался в землю у их ног, готовый к неминуемой расплате.

Тит надел на лицо воротник-блокатор творения, после чего обратился к мальчику:

— Продать хотел? — негромко спросил Титорам, возвращая коробочку в карман.

Мальчишка молча кивнул, всё ещё пряча глаза.

— Кража — это слишком просто, — спокойно заметил Тит, — любой человек способен на большее, и ты в том числе. Есть вещи ценнее быстрой выгоды.

Говоря это мальчику, он скосился на приятеля, который смотрел на него с явным осуждением. «Опять ты со своим...» читалось в его глазах.

Тит между тем продолжал:

Приходи завтра вечером — вот адрес, — Титорам протянул мальчишке свернутую полоску бумаги с печатью. — Научу тебя искусству, как творить, а не красть.

Растерянный мальчик, словно не верящий, как можно не получить наказания за содеянное, схватил бумажку и дал дёру, тут же исчезнув в людском потоке.

Ходер, явно недовольный случившимся, нахмурился и проворчал себе под нос сквозь уже возвращённый на место блокатор творения:

— Ты же знаешь, запрещено правилами. Это выйдет боком.

— Если не я... то никто, — тихо ответил Титорам. — Есть вещи выше правил...

— Ты научишь весь Нижний город творить. А потом нам, элите, места не останется — а с местом, сам знаешь, и так большие проблемы сегодня.

— Может, и не останется, — улыбнулся Тит внезапно легко. — Зато справедливости прибавится. А с ней и надежды.

— Ну вот ты опять за своё! — с досадой процедил сквозь зубы Ходер, нервно одёргивая плащ. — Как будто сам не знаешь, что великое ремесло предназначено для достойных!

Продолжать разговор не стоило, поэтому Тит сделал примирительный знак и пригласил Ходера жестом к выходу с базара.

Они шли по вечернему Среднему городу. Воротники-блокаторы, плотно облегающие нижнюю часть лица, позволяли им разговаривать свободно, не производя лишних артефактов при каждом сказанном слове. Местные жители с любопытством косились на двух представителей высшей касты, разгуливающих в нетипичном для них месте.

— Удивительно, как быстро здесь меняются запахи, — заметил Ходер, скользнув взглядом по лавке с аппетитными на вид хлебами и булками.

— Запах хорошей еды перебивает даже мерзкий запах гари с помоек утилизаторов. Лавочники знают своё дело, — едва заметно улыбнулся Титорам, не поворачивая головы.

— Ты называешь эти булки, слепленные грязными руками, хорошей едой? Может, ты это ещё и пробовал? — с отвращением, чрезмерно эмоционально для своей касты, отреагировал Ходер.

— Есть это можно. Это ещё ничего, в этих кварталах есть вещи пострашнее, я потом тебе расскажу, если захочешь, — ответил Титорам, привычно и осторожно уведя разговор в сторону, опасаясь обсуждать данную тему, потому что в их кругах употребление не сотворённой, а изготовленной руками пищи приравнивалось к осквернению себя.

В Среднем городе шаг их замедлился. Подъём становился круче — но дело было не только в этом. Им не хотелось расставаться.

Узкие улицы были ярко освещены. Фасады домов сверкали разноцветными отблесками от витражных фонарей. Здесь можно было вести себя более естественно. Воры-карманники тут, конечно, тоже встречались, но значительно реже. Жители приветствовали господ лёгким движением раскрытой ладони или коротким изящным поклоном головы.

— Смотри, какие тут красотки, наверное, в твоём вкусе, как и те булки, — поддел Ходер Тита, кивнув в сторону молодой женщины, проводившей их улыбкой и пристальным взглядом.

— Будешь ёрничать, пойдёшь завтра один на поиски сестры, — тихо ответил Титорам. Он был напряжённее, чем выглядел: маска давала ощущение защищённости, но не избавляла от стойкой привычки диссидента следить за каждой интонацией, за каждым жестом собеседника, чтобы ненароком не выдать что-то лишнее.

По мере того как приближались стены Верхнего города, освещение становилось ярче, дома выглядели уютнее и чище. На границе Среднего и Верхнего города Титорам и Ходер на миг замедлили шаг, обменялись коротким рукопожатием. Здесь их дороги расходились.

— Завтра увидимся в Академии, — просто сказал Ходер.

— Конечно, — Титорам сделал круговое движение правой рукой на уровне груди и приложил её к сердцу — знак «до встречи».

Их взгляды на миг пересеклись — будто Ходер хотел сказать ещё что-то, но лишь выполнил тот же прощальный жест. Титорам проводил его глазами, пока силуэт друга не пропал в сиянии фонарей Верхнего города. Только тогда он глубоко вдохнул — и шагнул обратно, в тень извилистых улиц внизу.

Глава 2 Видение Тита

Когда фигура Ходера растворилась в светлом проёме ворот Верхнего города, Титорам свернул в боковую улочку, идущую вдоль крепостной стены. Он шёл между высокой стеной и домами с разноцветными фасадами, краски которых смягчал вечерний свет; над дверями висели причудливые старинные колокольчики, на окнах — полупрозрачные занавеси, а на узких балконах отдыхали старушки с чашками чая. Смех и птичьи трели наполняли переулки, мягко погружая Тита в уютный кокон детских воспоминаний. Именно этой дорогой он когда-то ходил с матерью к её дяде Исту. В те годы старик ещё творил словом, создавая для маленького Тита чудесные игрушки, и бережно учил его мастерить первые артефакты, помогающие его голосу развиваться и быстрее достигать совершенства.

Он шёл быстро, его путь лежал в «Кладовую Памяти». Тут обитал Ист — Пророк-молчальник, который теперь презирал блокаторы творения и не произносил ни единого звука. Он общался с Титом с помощью знаков и письма на обрывках кожи или пергамента, на всём, что было под рукой, а также необычным способом, доступным немногим, — передачей мыслеформ.

Титорам вошёл в узкий двор, где уже ничто не напоминало о ярких красках Среднего города, и даже свет здесь ложился тускло и неровно, напоминая о другом, призрачном мире — за пределами сущего. Дом стоял тихий, окна его были темны, а стены словно дышали памятью о прошлом.

Пророк Ист — отшельник и медиум, некогда принадлежавший высшей касте, — теперь был признан изгоем. Он не произносил ни слова, но все знали: никакая тайна не укроется от него, ведь он умел читать мысли людей, ощущал вибрации времени и мог предугадать будущее. Даже мог видеть сквозь холодный камень стен. Загадкой для Тита было, почему Академия терпит это и не изолирует Иста; он объяснял себе это лишь его молчаливостью и замкнутостью.

Дверь открылась сама, лишь только он протянул руку к кольцу-стукалу. Старик уже ждал его. Он был настолько худ, что казался почти прозрачным, тем не менее его неспешные движения демонстрировали силу и уверенность. Вместо приветствия — тёплый, пристальный взгляд и пригласительный жест присесть на грубое кресло, сбитое из досок.

Молчание здесь не давило, а, наоборот, наполняло комнату смыслами, которые нельзя было высказать. Тит опустился на сиденье, повинаясь незримой воле Иста, прикрыл глаза и погрузился в глубокое забытие. Этот мир исчез, растворился, и он увидел совершенно другую картину.

Титорам увидел себя стоящим босиком на чистом, сверкающем песке под безоблачным голубым небом. Кристальный воздух был наполнен абсолютной свободой, а каждый новый звук казался обещанием чуда. Рядом с ним веселилась компания молодых людей, которые сотворили для себя великолепный пикник на берегу ручья. Их стол, покрытый шёлковой тканью, ломился от фруктов, мяса и других диковинных блюд. Они смеялись, выкрикивали случайные слова — «Дерево!», «Река!», «Дом!» — и мир послушно следовал их пожеланиям, наполняясь гигантскими цветами, витиеватыми растениями, пёстрыми игрушками, забавными механизмами или даже красивыми домами.

— Я буду жить в доме, сотканном из кружева! — говорила пышногрудая рыжая женщина, доедая бокал игристого вина. И кружевной дом уже творился вблизи их пиршества.

— Да, конечно, дорогая, это летом, а зимой мы будем путешествовать в моём парящем доме с садом! — отвечал ей стройный бородатый красавец, одновременно указывая на контуры творимого его словом летающего дома.

— Величие! Только величие достойно человека! — голосил высокий нескладный юноша, и величие материализовалось в странную громоздкую абстракцию, некрасиво нависшую над столом, но это только развеселило компанию пирующих.

В этом неуёмном сотворении не было ни страха, ни сомнения — только восторг от бесконечных возможностей. Всё пространство вокруг наполнялось различными нужными и ненужными предметами: люди радостно творили с помощью слова — для себя, для других, просто ради того, чтобы проявить свою сущность.

Среди множества голосов, пробующих силу слова, особенно выделялся один, принадлежащий юной девушке с сияющими глазами. Она смеялась громче всех; её смех превращался в радужные мыльные пузыри и смешных бабочек. Она вскочила на кресло и, подбадриваемая компанией, выкрикнула:

— Моё Крыло!

В одно мгновение на её спине появились странные, чуждые для её тела наросты, которые быстро превратились в прозрачные крылья какой-то гигантской бабочки. Компания сначала ахнула — все ринулись к ней в изумлении и восторге. Девушка попыталась пошевелить крыльями, но лицо её тут же исказила боль.

Всем показалось, что она будет летать как птица; на лицах, устремлённых на неё, было восхищение.

Но очарование смелым экспериментом длилось один миг: материя крыла стала разрывать её кожу, мышцы не выдерживали, грудная клетка выгибалась, по телу змеились кровавые разломы, приносящие нестерпимую боль; крик девушки превратился в мучительный визг. Она упала на песок, а крылья, всё увеличиваясь, выворачивали её тело, пока она, обессилив, залитая кровью, не затихла навсегда.

Тит подбежал к девушке; её остекленевшие огромные глаза показались удивительно знакомыми. Его ноги тонули в её крови, он закричал, но никто из присутствующих его не видел и не слышал.

Несколько мгновений они не могли пошевелиться, но затем чей-то голос пробился сквозь ужас общего оцепенения:

— Воскресни!

— Вернись...

— Живи...

— Дыхание!

— Моё Крыло — отмена!..

Слова летели, как будто в пустоту; их выкрикивал юноша, сжимавший ещё тёплую руку девушки. Но с ней ничего не происходило. Тело её лишь сильнее погружалось в песок, а из груди вырвался странный, ужасающий звук, от которого завяли все растения, до которых он долетел, а юноша вдруг упал без чувств.

Тогда один из компаний опустился на колени и заорал во всё горло:

— Пусть хоть кто-нибудь их спасёт! Как это сделать?

В ответ на его страшные крики вмиг возникла уродливая конструкция, с которой капала на землю чёрная, мерзко пахнущая жижа. Этот запах усилил ощущение бессилия и тоски у всех, кто оказался на месте трагедии. Повисла зловещая тишина.

Друг девушки очнулся, губы его пересохли, и он привычно произнёс:

— стакан воды...

Но стакан не появился.

— Воды! — прокричал встревоженный странной ситуацией юноша. Результата не было.

— Я утратил дар творения! Вся моя энергия ушла в песок вместе с кровью нашей подруги!

— Быть творцом не значит быть богом... — горестно заключил юноша, утративший свой дар.

Оцепенение спало, сменившись лихорадочным желанием загладить вину. Друзья погибшей сотворили над телом хрустальный саркофаг и завалили его цветочными венками, а рядом развернули полотно с правдивой историей трагедии. В толпе воцарилась зябкая тишина; теперь каждому стало ясно: слово может не только дарить жизнь, но и отнимать её. Появились первые «запретные списки» — предостережения не пытаться воскрешать мертвых или менять судьбу.

Но скорбь быстро переросла в навязчивое желание заместить свою печаль чем-то более позитивным, порадовать усопшую дарами. К саркофагу потянулись люди, соревнуясь в создании поминальных подношений. Воздух дрожал от роящихся слов, и они материализовались в горы бесполезных шедевров: золотые кубки, стеклянные статуи, поющие механизмы и сладкие фрукты, которым не суждено было быть съеденными, — всё это вскоре образовало подобие пирамиды.

У подножия её сидел юноша по имени Набия, вынужденный теперь жить подаванием, ведь творить голосом он больше не мог. Он рыдал и посыпал голову пеплом, но всё было напрасно. Зато он мог свободно рассказывать о том, что случилось, всем, кто подходил к пирамиде. С каждым разом он разукрашивал историю новыми подробностями. Люди слушали, дивились, что человек говорит, но ничего не происходит, и творили ему за его рассказы еду и одежду. Тит смотрел на это с недоумением: в его мире лишённый дара был бы неприкасаемым парией, а здесь люди сидели у ног нетворящего и слушали его, как чудо. Потеря голоса ещё не стала клеймом и проклятием.

Пирамида над телом девушки разрасталась с невероятной скоростью. Творчество в память о погибшей оборачивалось свалкой сожалений: творения стали уже не дарами, а грудой забытого. Красота ломала красоту; слои сверкающего хлама давили на основание, пока конструкция не начала осыпаться. С глухим гулом мавзолей рухнул, погребая под собой тело девушки и её историю. Место недавнего горя мгновенно обратилось в обычную свалку — хаотичное кладбище вещей, где изысканные артефакты смешались с грязью, став неотличимы от будущего мусора Нижнего города.

Настроение Тита, которого, к слову, никто не замечал, переменилось: восторженно-возвышенное уступило место угнетённому. Смерть прекрасного создания, страдания её друзей, превращение горы даров в помойку — всего этого было достаточно, чтобы вызвать лишь скорбь и тоску.

Юноша так и сидел у осыпающейся груды поминальных подношений. Тит хотел что-то сказать, подбодрить его, и приблизился к Набии. Тот посмотрел прямо в глаза Титу, но не увидел их — взгляд его скользил сквозь, будто через толщу времён.

— Ты знаешь, что мёртвым нужны памятники, а живым — предупреждения, но иногда памятники мёртвым и есть наилучшие предупреждения, — произнёс Набия словно самому себе, и в этот миг Тит очнулся от забытья.

В туманном мире между сном и явью лицо юноши на мгновение пересеклось с чертами строгого Учителя, который внимательно смотрел на него.

Тит очнулся внезапно — в полутёмной комнате, наполненной мягким светом. Он сразу узнал дом Иста, видение ещё не отпускало — воспоминание о древней боли сидело под кожей, словно невидимый ожог.

Учитель был неподалёку, ничем не выдавая эмоций. Его глаза поблескивали в тусклом освещении. Он медленно повёл рукой, жестом указывая: «Довольно на сегодня. Ступай.»

В знак уважения Тит опустил свой блокатор творения и, склоняясь в поклоне, задержал взгляд на лице Иста, позволив увидеть ему своё чистое, открытое лицо — жест абсолютного доверия. Быстро сотворил кувшин с водой и блюдо свежих фруктов для Иста и вышел за дверь в совершенно тёмный дворик, затем через невысокую калитку в заборе на освещённую улицу.

Глава 3 Титорам Амбусто Тидра Ти

Блокатор творения, что носил Титорам, был не просто приспособлением — это был артефакт, символизирующий власть и магию его касты. Конструкция плотно охватывала горло и нижнюю часть лица, органично следуя анатомическим линиям, так как являлась воплощённой в слове мысленной волей Тита.

Поверхность будто жила своей жизнью: по деталям скользили всполохи золотистого сияния, на пластинках проступали линии горящих рун, а тончайшие диски контроля испускали холодный пульсирующий блеск. Фронтальные серебристые щитки могли подниматься и закрывать лицо до самых глаз.

Устройство гасило любые потоки созидания и в момент активации излучало тихое, почти неуловимое мерцание, преобразуя в свет исходящую от творца энергию слова.

По дороге домой Тит пытался воспроизвести в голове сцены увиденного, но они рассыпались, как песок. Вопросов стало только больше, но идти за новыми ответами к Исту бессмысленно: человек, передающий знания в виде мыслеформ, ощущений и видений, сам решает, кому и когда открывать нужные именно ему знания.

Он сам не заметил, как вошёл в Верхний город, и очнулся только на своей улице, сверкающей мягким сиянием. Над головой парили светлые мосты, звуковые растения пели на разные голоса. Город не изменился за то время, что он был в доме Иста, но теперь Тит смотрел на всё вокруг через пелену недавнего видения.

До виллы его родителей оставалось несколько десятков шагов. Он видел гладкие фасады домов, которые текли, как волны, стеклянные сферы света в нишах белоснежных стен, едва заметные дорожки, прячущиеся за иллюзорными шторами светящихся растений. Всё было знакомым, но что-то изменилось — возможно, не во вне, а внутри него. Он вошёл в ворота родительского дома погружённый в свои ощущения. Тишина здесь была особой — мерцание растений не нарушало покоя, а словно подчёркивало звуки ночи; он наслаждался ею, пока шёл по великолепному саду, созданному голосом матери.

Подойдя к дому, Тит на мгновение задержался у причудливо изогнутого входа — массивная арка, наполненная внутренним сиянием, казалась частью волны, застывшей в момент разлива. Внутри было ещё светлее: просторные залы и плавные линии стен напоминали о подводных гrotтах, а лестница из голографического стекла уводила куда-то вверх, в облаканный лунным светом центральный холл второго этажа. В ночное время лестница не выводила никаких проекций, зато днём она была акцентом в интерьере и меняла свой вид по воле хозяев.

Родители, по всей видимости, уже спали: в их комнате светила только узкая полоска ночника за матовыми панелями.

Тит скинул обувь и привычно прошёл на кухню, коснувшись сенсорной панели на стене. Он машинально налил стакан воды, сделал глоток и лишь теперь почувствовал, как сильно устал. Оставив стакан на столе, Тит прошёл на второй этаж к своей комнате — её стены были закруглены и слегка светились. Он переоделся в ночную одежду, на ходу разбрасывая вещи, и несколько минут сидел, глядя в огромное окно, где над горизонтом висели две тускло сияющие луны.

Мысли текли, как вода: о древней магии и ошибках, сделанных давным-давно, о тех, кто делил мир на достойных и недостойных, о силе, которая больше не кажется благословением... Титорам взял красивую тетрадь и начал описывать свои видения, но отложил, не окончив, и пошёл спать. Он лёг на мягкое ложе, медленно перебирая в голове впечатления сегодняшнего дня, и погрузился в сон. Несмотря на усталость, тревога не отпускала Тита — он ворочался с боку на бок всю ночь.

Рано утром его разбудил едва уловимый звук, будто что-то зашелестело под самым окном. Открыв глаза, он на мгновение подумал, что всё это очередное наваждение, — но тьма ночи уже отступала перед первыми лучами рассвета. Тут же вспомнилась встреча с Истом, тени прошлого, мальчик из Нижнего города; сна, как будто и не было.

Он недолго лежал, глядя, как в окно проникает молочный свет первого солнечного луча, а затем медленно поднялся. В доме сохранялась хрупкая, звенящая утренняя тишина; шум фонтана за окном казался приглушённым, как если бы тот не до конца проснулся.

На кухне сенсорная панель встретила его мягким светом приветствия — привычное движение пальцев, и свежая вода наполнила его ладонь прохладой. Тит машинально взглянул на себя в зеркальную поверхность полки: усталое, но всё ещё юношеское лицо, тёмные круги под глазами, волосы чуть растрёпаны — признаки плохого сна, с которым даже сотворённое матерью снотворное не всегда справляется, тем более что он вчера его не принимал.

Он задумчиво пил воду, когда уловил звук из открытых дверей — всё тот же негромкий шелест, будто кто-то ходит по саду. Это была мать — она часто вставала на рассвете заниматься растениями, но что-то в этих шагах было чужим... или это шаги не одного человека?

Тит накинул лёгкую накидку и выглянул наружу. Сквозь полупрозрачную листву в глубине сада он увидел мать, которую сопровождала молодая женщина. Это была девушка очень знатного и высокого рода, которую прочили Титу в жёны.

Нзиза Суарэ Нифуджви Ио была примером редкой красоты даже среди первых красавиц касты — дочь древнего дома, воспитанная в строгости следования идеальной форме. Лицо её было совершенным, как отполированная слоновая кость; высокие скулы, изогнутые брови, большие тёмные спокойно-ясные глаза с золотистыми вкраплениями — наследие рода, считающего свою кровь чуть ли не основой гармонии этого мира. Даже походка её была выучена с младенчества: в ней не было ни спешки, ни медлительности, ни тени сомнения — лишь безошибочное ощущение собственного достоинства.

Одежды Нзизы Суарэ Нифуджви Ио были безупречны вплоть до последних штрихов — даже утренний наряд её казался сотворённым не для ранней прогулки, а с тайным заявлением миру о статусе, красоте, принадлежности к высшим. Её волосы были убраны в сложную структуру, украшенную светлым переливчатым орнаментом — ни одной выбившейся пряди, ни малейшего изъяна на перламутровой коже. Её голос, слышимый через блокатор творения, был мягок, но в нём была холодная властность — такой оттенок в звучании имеют лишь те, кто вырос в мире, где порядок важнее желания.

Для родителей Тита эта помолвка казалась высшим благом: союз двух великих домов обещал укрепить позиции в культурных и властных слоях Верхнего города. Она была идеальной партией: разумна, возвышенно спокойна, начитанна, прекрасно владела творением, а ещё — знала цену недосказанности и умела молчать лучше любого мужчины.

Но ни одно из этих достоинств не трогало Тита. В их отношениях сквозил тот едва уловимый внутренний холод, что жил между ним и Нзизой с первой встречи. Он понимал, что в такой семье будет ощущать себя как под куполом безупречно обставленного зала, под неусыпным и невидимым надзором — где даже простые семейные отношения оборачиваются ритуалом, а внешнее спокойствие сродни стилой воде.

Само её присутствие казалось ему тонкой, кристаллически-совершенной клеткой — клеткой без решёток, в которой вся жизнь превращается в безупречную, но режущую одиночеством мёртвую гармонию. За её идеальной красотой угадывалась не природа, а утончённая, привычная с раннего детства муштра.

Потому-то, увидев утром нежданную гостью в саду, Тит ощутил не радость и не досаду, а внезапный, тяжёлый прилив тревоги.

Тит взлетел вверх по лестнице в свою комнату и молниеносно оделся, схватил свои вещи, быстро спустился вниз и выскользнул через чёрный ход. На пороге он столкнулся с молодой

служанкой, которой жестом показал, что он очень спешит и просит никого не беспокоить его уходом. И сунул ей в руку творительный артефакт из своей золотой коробочки.

Он ни разу не оглянулся, быстро пройдя по саду к дальней калитке. На секунду задержался, провёл пальцами по холодному металлу, нащупывая щеколду, — и пошёл вверх по параллельной улице, где первые лучи солнца начинали высвечивать на дороге замысловатый рисунок, созданный тенями от сплетённых ветвей.

Влажный ароматный утренний воздух Верхнего города обдувал его лицо, тревога постепенно рассеялась. Тит сжимал в руке узкую длинную сумку, в которой лежали пособия для вечерних занятий с детьми; всё окружающее будто отодвинулось на второй план, так как он обдумывал предстоящий урок.

Улицы Верхнего города были ещё пусты — магистрали только наполнялись дневным светом, и пение голосовых растений отражалось негромким эхом между излучающими жемчужное мерцание стенами домов. Город в ещё не погашенном искусственном свете недавней ночи казался декорацией, которую срочно меняют для следующего акта. Тит шёл быстро, не глядя на окружающих; он думал о неприятностях, которые точно ждут его дома вследствие его бегства и нежелания общаться с милой родителям девушкой. Будут расспросы, упрёки или, наоборот, отстранённая тишина — всё, кроме настоящего участия. И зачем она вообще пришла в столь ранний час?

Но сейчас Тит ощущал почти эйфорию: здесь и сейчас он мог быть сам собой.

Глава 4 Академия звука

Академия Звука, куда направлялся Тит, была сердцем всей цивилизации, где верховная власть и сакральное знание сливались воедино. Это было место абсолютной силы, где старейшины направляли ход всей жизни, величайшие учёные разгадывали тайны мироздания, а молодое поколение училось обуздывать творящий голос, и здесь же, в обширных архивах, покоилась библиотека Элегмы — священное хранилище знаний о творении словом, накопленных за тысячелетия.

Когда Тит миновал вход — огромную роскошную дверь, откликающуюся на его амулет и отпечаток большого пальца, — он оказался в главном вестибюле: здесь каждый звук уносился вверх, становясь безобидными эфемерными огоньками.

Стены — мерцающие, будто сотканые из натянутых звуковых оболочек, — поглощали и утилизировали любые акустические колебания. Здесь была территория, где можно было разговаривать, не создавая новых артефактов творения без применения блокаторов.

Внутри всё было привычно для Титорама. Свет падал особым образом — не холодным верхним потоком, а как бы исходил изнутри стен, создавая исключительно равномерное и приятное освещение. Тит замедлил шаг, поднимаясь по широкой лестнице, словно выведенной плавной мелодией.

Главные аудитории представляли собой спиралевидные амфитеатры с креслами, меняющими форму под фигуру и стиль пришедшего, где материализация слова происходила только при отключении локального блокатора.

За стеклом одной аудитории виднелись силуэты: кто-то пришёл на рассветные занятия заранее, кто-то дремал — с блокаторами, плотно закрывающими лица; кто-то, напротив, тихо водил пальцами по струнам, издавая зыбкое облако последовательностей невидимых звуков на нетворящем инструменте. Тит подумал: только в музыке, только в звуке можно выразить свои чувства по-настоящему, и почему-то перед его мысленным взором возникло лицо Мзии.

Он остановился на миг, стараясь ответить на вопрос, регулярно возникавший в нём, в родной Академии: свой ли он здесь?

У высоких парадных дверей в конце просторного холла он вздохнул, отбросил тревожные мысли и вошёл внутрь громадного зала, по которому уже разносились первые, едва уловимые голоса.

Это был Зал Заседаний — по сути, гигантский блокатор творения. Говорить здесь следовало не громко: иначе можно было перенапрячь его возможности. Если бы все присутствующие при полном зале вдруг дружно закричали, мощности устройства, вероятно, не хватило бы, чтобы противостоять такому напору творящей энергии. Но, естественно, подобные эксперименты в этом зале проводить никто не собирался.

Выступающий с кафедры использовал для усиления голоса специальные устройства: передающий усилитель, напоминающий древние ритуальные рога, и слушающие диадемы — тонкие, почти невесомые, с вплетёнными в ободки резонансными нитями, — располагавшиеся над креслами слушателей.

Зал давно заполнили академики, учёные и мастера Академии Звука. Гул голосов затих, когда лектор занял своё место у кафедры. Его блокатор, опущенный на плечи, выдавал высокий статус: по его поверхности проходили тонкие светящиеся линии, создававшие затейливый плотный узор. Он начал без лишней торжественности ровным, певучим голосом:

— Мы сегодня собрались поговорить о Великом Пророке древности. Его имя известно каждому, но задумывались ли вы, что по-настоящему стоит за его великим подвигом? Все мы знаем с детства: Набия утратил дар творения ради любви. За эту жертву боги одарили его другим даром — даром Миссии. Только лишившись могущества, он впервые смог говорить

с народом теми же словами — но уже без наказания творением. Он смог доносить высшие истины до людей: о порядке и воздержании, о великой любви и жертве — истины, внушённые ему богами. Он был Великим Учителем, основоположником нашей философии и религии, давшим нам законы безопасной и счастливой жизни в Благословенной ткани Вселенной.

Лектор сделал паузу и обвёл зал долгим взглядом:

— Тяжёлая, осознанная, добровольная жертва ради великой любви!

Тит внезапно вспомнил вчерашнее видение: «Это была глупая случайность. Всё произошло по неведению».

Лектор между тем продолжал:

— Кто из нас может судить о помыслах того, кто носил самый сильный голос в мире, а затем утратил его? Он стал Учителем — но учителем не творения, а терпения, слушания, сострадания... Он разделил нас на достойных владеть даром творения и недостойных!

Зал погрузился в тишину.

— Важно лишь то, что, только утратив главное, этот человек стал великим проводником смыслов, открыл миру новую возможность — использовать слово без творения.

Голос лектора утратил певучесть и зазвучал особенно пафосно:

— Мы, однако, должны разделять: нашего Не творящего Миссию и лишённых дара творения парий из низших каст. Не стоит смешивать утрату дара у Пророка с бездарностью и косностью тех, кто бесславно живёт внизу, не умея творить словом. Истинный подвиг Миссии — не в отказе от дара творения, а в Священной проповеди, осветившей жизнь последующих поколений.

Тит слушал выступление, едва заметно склонив голову. Случайность, выросшая в легенду. Судьба, выдуманная потомками... Но для чего? Пророк жил в эпоху зарождения мира, когда ещё не существовало каст, городов, иерархии — все обладали даром творения, но не знали меры. Почему потом всё было переиначено и превращено в какой-то великий подвиг? — Тит поймал себя на том, что уже не слушает лектора.

Лектор замолчал. В зале повисла тишина — не пустая, а наполненная общим благоговением, как после молитвы. Кто-то тихо выдохнул: «Слава Набии». Другой прошептал: «Только великий дух и великая любовь способны на такую жертву...»

Несколько академиков склонили головы. Один даже провёл пальцем по поверхности своего блокатора — жест почти ритуальный, будто касался святыни.

Тит сидел неподвижно. В ушах у него всё ещё звучало: «Тяжёлая, осознанная, добровольная жертва ради великой любви!»

А перед глазами — не величественный образ Пророка, а то, что показал ему Ист вчера в «Кладовой Памяти»:

Жаркий день у подножия поминальной пирамиды — ещё не монумента, а просто кургана из наспех сотворённых даров. Молодой человек сидит на корточках, плечи опущены. Он уже не плачет. Он просто сидит — потому что деваться некуда. Потому что его голос мёртв.

Он не стал Учителем по зову богов. Он стал им потому, что больше не мог творить — и впервые обнаружил, что его слова, лишённые силы творения, всё ещё действуют.

Люди слушали его потому, что это было диковиной: человек говорил — и ничего не появлялось. Они приходили посмотреть на него как на чудо, а он, почти обезумевший от потери своего дара, говорил и говорил, возможно, надеясь, что дар в какой-то момент вернётся.

Он не знал, что нельзя возвращать дыхание в тело, уже не принадлежащее этому миру. Он просто нарушил правила, которых не знал. И в этом неведении — в страхе, в горе, в попытке загладить непоправимое — родилось не чудо, а новая форма власти: не творить вещи, а захватывать словом умы.

— Великий Пророк показал нам путь, — тихо произнёс кто-то в первом ряду, — путь смирения и служения.

— Да, — подхватил другой, — только тот, кто способен на великую любовь, достоин быть Учителем.

В зале закивали. Лица светились убеждённостью. Для них это была священная истина, питанная с молоком матери.

Тит медленно встал. Никто не обратил внимания. Все ещё были погружены в общее чувство святости момента. Он вышел тихонько в боковую дверь — просто исчез, словно его и не было.

В холле его встретил рассеянный солнечный свет, преломлённый в тысячах граней изогнутых окон. Дышалось тут легче, чем в зале, но не свободнее. Свобода, как понял Тит, давно стала преступлением — особенно когда она начинается с сомнения в том, что все считают святым.

— Ты выглядишь так, будто только что увидел призрака, — раздался знакомый голос за спиной.

Тит не обернулся. Он знал этот тон — насмешливый, но с затаённой тревогой, как всегда, когда Ходер пытался скрыть волнение за маской сарказма.

— Может, и увидел, — ответил он тихо.

Ходер подошёл ближе. Его блокатор творения был опущен — лицо открыто, глаза уставшие, но ясные.

— Я слушал лекцию по ретранслятору, — сказал он, прислонившись к колонне рядом. — Все в восторге. Говорят, лектор наконец-то раскрыл суть Мессии.

Он помолчал, глядя на Тита.

— А ты? Ты опять смотришь сквозь слова, будто видишь то, чего нет.

— Я вижу то, что скрывают, — поправил Тит. — Вчера в доме Иста... мне открылась правда. Не та, что в учебниках. А та, что стёрта...

Он сделал паузу — короткую, как вдох перед ударом.

— Намеренно стёрта.

— Ты же знаешь, что Ист — изгой. Его видения... быть может, не ближе к истине, чем наши священные книги.

— А Пророк — каноничен, и поэтому он — истина? — горько усмехнулся Тит.

Он понизил голос:

— Набия не жертвовал даром. Он его потерял. Случайно. Пытаясь воскресить девушку, к которой хорошо относился. Он сидел у пирамиды поминальных даров не потому, что любил её до безумия, а потому что... ему больше некуда было идти. Его голос умер.

Ходер побледнел. Он оглянулся — не подслушивает ли кто. В Академии такие слова могли стоить карьеры. Или даже свободы.

— Ты сошёл с ума? — прошипел он. — Если это услышат...

— Пусть услышат, — твёрдо сказал Тит. — Пока мы верим в красивую ложь, настоящие люди продолжают исчезать, как твоя сестра, или жить в нищете, как мальчишка на рынке — все, кто не вписывается в вашу «гармонию».

Ходер сжал губы. Он не стал спорить, потому что в глубине души чувствовал: что-то не так с этим миром. Но признать это значило предать всё, во что он верил с детства.

— Сегодня ночью я снова иду вниз, — сказал он наконец. — Один.

— Не один, — ответил Тит. — Я с тобой. И не потому, что ты мой друг. А потому что...

Он сделал паузу — короткую, почти незаметную, — но в ней скрывалась потаённая боль и тревога.

— Ты ведь сам знаешь, что в мусорных лабиринтах творится: людей из высших каст не похищают просто так. Там есть те, кто делает страшные вещи с похищенными, чтобы заставить их работать на себя. А расплата наших...

Тит не договорил. Но Ходер понял. Его пальцы сжались в кулаки — не от гнева, а от страха.

— ...Мне дорога твоя сестра, — закончил Тит тихо. — Почти так же, как тебе.

Ходер долго смотрел на него, в глазах читалась благодарность, которую тот не смог выразить словами. Потом медленно, будто нехотя, отвёл взгляд.

— Встречаемся у южных ворот в полночь. И если ты опоздаешь — я уйду без тебя.

— Не опоздаю, — сказал Тит. — А сейчас я уже опаздываю на свой семинар. Вечером приду сразу после занятий с детьми.

Они разошлись. Ходер — к архивам, где хранились «правильные» версии истории, выверенные до последнего слога. Тит — в малый зал Двенадцатой Спирали, где под мерцающими сводами собирался его семинар по философии восприятия.

На двери — табличка: «Титора́м Амбусто Тидра Ти». Тема: «Первоисточник знания и реализация творения?»

В зале собралось лишь несколько студентов. Тема лекции многих пугала: она касалась первоисточка творения — вопроса, на который у догматической теологии Академии не существовало безопасного ответа.

Тит поздоровался, вышел в центр аудитории, оглядел присутствующих и негромко произнёс:

— Представьте: вы — Первый. Вокруг нет ничего, только вы и Ткань Бытия, готовая откликнуться на ваш голос. Вы хотите сотворить яблоко. Каким оно будет?

— Круглым. Красным, с хвостиком, — неуверенно отозвался юноша с первого ряда. — Как нас учили.

— А если вас никто не учил? — Тит перевёл взгляд на притихшую студентку. — Чтобы яблоко воплотилось, нужен детальный образ. Звук, Форма, Ощущение — вы должны не просто назвать его, но почувствовать тяжесть, вкус, фактуру кожицы ещё до того, как оно появится. Откуда вы возьмёте знание о сладком вкусе или форме круга, если никогда не видели солнца и не пробовали мёда?

Девушка растерянно теребила край рукава:

— Нам показывали картинки в учебниках... Родители давали плоды.

— Именно, — согласился Тит. — Мы не познаём мир, мы лишь повторяем заученные формулы, копируя чужие образы. Но откуда взялся Первообраз?

— Ну, положим, яблоки сотворила сама Ткань Вселенной, как и людей, — вставил с места бойкий юноша. — Мы видим их на деревьях — у нас есть изначальный образец.

— Суть не в яблоке, — ответил Тит. — Сколько предметов вокруг, которым нет аналога в природе? Откуда появились эти образы?

Девушка растерянно переглянулась с однокурсниками, словно ища у них защиты от этой пугающей мысли: — Но ведь... без первообраза творение невозможно, — тихо, почти умоляюще произнесла она. — Если попытаться создать что-то вслепую, без готовой матрицы, слово породит лишь уродливую абстракцию. Бесформенный, опасный мусор, который только сильнее исказит Ткань Бытия! Нам ведь строго-настрого запрещено экспериментировать...

— Был Пророк и его ученик, которые теперь стали Лунами на небе, — неуверенно произнесла девушка. — Они всё придумали.

— А они откуда узнали о том, чего не существует?

В аудитории повисла тишина.

— По преданию, Пророк Набия формулировал мысли без творения, а его ученик Калиюнта их материализовал, создав образцы всего сущего, — поспешно выдал официальную догму тот же юноша, пытаясь вернуть беседу в безопасное русло.

— А до них люди ничего не творили? — Тит посмотрел на студента так пристально, что тот осёкся.

Тит понял: если надавить сейчас, тот замкнётся от страха. Ломать веру бесполезно — нужно подточить её изнутри. Он смягчил тон:

— Наша задача — учиться мыслить нестандартно, иначе ваши творения обречены стать банальностью. А в основе любого творения лежит не шаблон, а личный опыт. Опыт, который не зависит от того, в какой касте ты родился.

— Но если всё дело в опыте, — не унимался юноша, — почему творение недоступно людям из низших каст? У них ведь тоже есть и опыт, и воображение.

— А кто доказал, что недоступно? Экспериментов никто не проводил, — Тит осторожно обозначил границу дозволенного вольнодумства. Он подошёл к высокому арочному окну, за которым догорал багровый закат. — Возможно, первый творец просто помнил плод, увиденный во сне умирающего мира, бывшего до нас. Возможно, что абсолютного ничто не существует. Возможно... — тут он осёкся и, словно спохватившись, выдал общепринятую фразу: — Яблоко, как мы его знаем, — это договор с хаосом, заключённый Пророком Набия.

Тит вернулся к столу и коснулся панели — в воздухе возникли три проекции яблока: идеальное глянцевое; тусклое, сплюснутое; и с уродливой трещиной.

— Первое — по Канону. Второе — по памяти голодного. Третье — по страху того, кто видел, как оно рассыпалось в прах в руках отринувшего гармонию Слова. Все они реальные. Но Истиной в Академии называют лишь первое. Потому что оно канонично и не заставляет задавать вопросы.

— Но Пророк... — начал было юноша.

— Пророк, — перебил Тит, — однажды оказался вне творения. Его голос умер. Нет, не умолк — он просто перестал действовать. Когда он сказал «вода» — он не получил воду. Когда прошептал «свет» — во тьме не вспыхнуло сияние. Он говорил, вкладывал всю волю, все образы, что хранила его память, — и ничего не происходило. Вероятно, тогда, в эпоху всемогущества, это казалось удивительным чудом.

И тогда он стал проповедовать. Впервые в истории человек говорил — и ничего не появлялось. Ни вещей, ни абстракций, ни случайных чудовищ. Набия получил то, чего не имел ни один творец до него: возможность описывать мир, не порождая его. Рассуждать о форме и вкусе, спорить о природе вещей — без риска одним неосторожным словом породить уродливую материю. Без опасных экспериментов. А его ученик Калиюнта фиксировал эти образы, превращая их в незыблемые шаблоны — но только те, что были обдуманы и безопасны. Но где первопричина самого Образа? Откуда Набия брал знание о том, чего никогда не видел? Академия об этом молчит.

Тит обвёл взглядом притихшую аудиторию и повернулся к шкафу. Он достал настоящее яблоко — не идеальное, с лёгкой неровностью у плодоножки, с тонкой золотистой прожилкой на коже.

— Это я сотворил вчера, — сказал он, взвешивая плод на ладони. — Я не использовал стандартный шаблон из учебника. Я добавил к словесной формуле личное воспоминание: запах в саду матери, прохладу утра, тяжесть в детской ладошке. Я вложил в него не просто заученный шаблон, а свои ощущения.

Он протянул фрукт девушке.

— Попробуйте.

Она неуверенно взяла яблоко, откусила. Потом тихо, с удивлением произнесла:

— Оно... не похоже на другие. Оно — настоящее. Удивительное.

— Почему?

— Потому что... Вы великий мастер. Вы передали не только форму и вкус, но и что-то ещё, что я не берусь описать.

Тит чуть отвёл взгляд, будто проверяя что-то в своих записях.

Уголки его губ дрогнули — не в улыбке, а в лёгком, печальном отрицании. Ему было неловко.

— Не мастер, — возразил он. — Просто... я запомнил, каким оно было в руках матери — до того, как научился творить вещи по правилам.

Он закрыл лекционный журнал.

— Итак, на практических занятиях послезавтра мы будем тренировать способность приносить в творение ваши собственные чувства и ощущения.

Когда Тит вышел, за его спиной стояла тишина. Девушка осторожно положила недоеденное яблоко в отдельный карман сумки — бережно, как драгоценность. И проводила преподавателя долгим, задумчивым взглядом.

Тит вернулся в большой холл перед главным залом.

Оттуда по-прежнему лился, как молитва, мерный звук голосов:

«Слава Набии. Слава жертве. Слава любви. Слава гармонии».

Тита передёрнуло.

«До сих пор идёт это скучное академическое собрание, — подумал он с раздражением. — Эти славословия скоро перегрузят блокатор Зала заседаний».

И в момент этой, почти насмешливой мысли, всплыло — чётко, без пафоса: истинная жертва — не та, что прославляют, а та, которую замалчивают. У не творящего слова есть парадоксальный феномен: озвученная истина перестаёт быть таковой.

— А что насчёт сотворённого словом? — Тит остановил поток своих мыслей. — Что-то я увлёкся не туда. Надо идти в другой класс, в котором я чувствую себя действительно нужным, по-настоящему полезным.

Он быстро покинул Академию и направился в вечернюю школу в Среднем городе.

Глава 5 Вечерняя школа

Тит медленно спускался по каменным ступеням крытого перехода, минуя по верхнему мосту торговую площадь Среднего города, который возвышался на многие метры над Нижним. Несмотря на это, сюда доносился воздух с примесью пыли и дыма от вечно тлеющих снизу костров.

Воздух, отгоняемый мельницами-веерами, установленными на крепостных стенах Верхнего города, создавал постоянные вихревые потоки над нижними кварталами, не позволяющие передвигаться здесь на лёгких летающих досках. Крутые склоны и узкие улицы дополнительно ограничивали движение повозок, поэтому крупные грузы перевозили по подземным тоннелям — бывшим дорогам других городов, погребённых теперь под культурными слоями цивилизации Элегмы.

Люди всех каст передвигались по поверхности пешком, но в тоннелях высшие могли сотворить для себя летающие средства передвижения. Самыми простыми и быстрыми были доски, однако существовали и более комфортабельные летающие повозки — правда, они не могли проходить в узких местах, а передвигались только по широким магистралям. Для дальних перелётов творцы, привыкшие к комфорту, поднимали в воздух целые дома — летающие виллы. Таким массивным сооружениям не были страшны вихревые потоки, срывавшие лёгкие доски с курса: их тяжесть гасила любые порывы

В Среднем городе всё было по-другому, чем в Верхнем — даже звуки: скрип блоков над грузовыми люками во дворах лавок, глухие удары ящиков, которые поднимали из подземных тоннелей и тут же заносили внутрь, бодрые выкрики торговцев вперемишку с уличной музыкой. Но эта музыка не ласкала слух Титорама, привыкшего к более утончённым мелодиям. Он вспомнил, как совсем недавно присутствовал на репетиции концерта в Академии, который готовила Мзия.

— Наверное, теперь концерт отменят, — с грустью подумал Тит.

Место, куда он шагал, находилось во дворе старого громоздкого дома на самом краю Среднего города, где верхние этажи нависали над нижними, а на кирпичах осели многолетние слои копоти и наслоения от осадков. Здесь не было ни нарядных фасадов, ни ровных мостовых — всё было весьма утилитарно и прозаично: грубые двери, самодельные лавки, чахлые растения в горшках, кое-где вился плющ. Хотя по сравнению с лачугами внизу тут вполне можно было жить.

В тусклом вечернем свете уже собирались подростки — такие, каких никогда не видят у академических ворот: мальчишки и девчонки из пятой, шестой, реже седьмой касты, в одежде, где каждый шов латали трижды, в ботинках, доставшихся по наследству, с выгоревшими волосами, выразительными худыми лицами и быстрым, настороженным взглядом. Они были шумны только поначалу — друг с другом, — но стоило появиться Титораму Амбусто, как детская болтовня утихала, уступая место нетерпеливой, чуть тревожной тишине.

Дети, рождённые в высших кастах, не всегда могли творить голосом с самого младенчества — хотя иногда встречались уникамы, чьи кровати ставили в комнаты-блокаторы: каждый их вопль рождал артефакты самых разнообразных форм. Некоторые мамы в благородных домах отправляли своих отпрысков в такие детские и не выводили на улицу — даже если у ребёнка не было дара с рождения, — лишь бы все думали, что родился уникам.

Поскольку многие века детей из низших каст, проявивших дар творения от рождения, отбирали — а бывали времена, когда их даже уничтожали, — постепенно они перестали рождаться в Среднем и Нижнем городах. Однако при должном обучении в младшем возрасте дар творения всё ещё мог пробуждаться у многих из низших каст. Именно таких способных детей и разыскивал Титорам, обучая их втайне от родителей и большинства знакомых.

Он начинал урок — учил, как правильно извлекать звук, чтобы он пробудил творение; как не бояться своего голоса и не пытаться подражать кому-то, а искать свою силу, своё ощущение истины.

Он улыбался им мягко, почти незаметно — сквозь блокатор творения. Достал из-под плаща тонкую золотистую коробочку — простую, но сделанную мастерски. Ребята всегда переглядывались, когда её замечали, будто в ожидании волшебства.

Внутри лежали его артефакты-заготовки, сотворённые его словом: при правильном касании и звуке они наполнялись светом. Эти артефакты могли помочь в творении даже неумелому человеку, сделав результат его усилий более впечатляющим — а иногда и вовсе открывая в нём способности творца.

Эти «Капсулы света», как он их назвал, были его собственным изобретением и творением.

Он протягивал эти заготовки каждому из детей: у кого в ладони вспыхивал ровный свет, оставлял артефакт на ладони; если реакции не было, ласково говорил:

— Погоди, тебе ещё рано. Сегодня тебе надо просто посмотреть, как другие ребята будут творить.

— Почувствуйте, — спокойно говорил Тит, — не думайте о чём-то постороннем, сосредоточьтесь на своём замысле — пусть он будет простым и конкретным. Пусть «Капсула света» ведёт ваш голос: слушайте руками, кожей, горлом. Слушайте себя и чувствуйте те слова, которые произносите.

Он не ругал и не жалел. Просто возвращал им то, что принадлежало каждому из них по праву — праву, которое перечеркнули веками укоренившиеся традиции, стены Академии и клеймо касты.

Время здесь, в школе, пролетало для Тита незаметно — на интересные дела его всегда мало. Окружённый внимательными лицами с горящими глазами, он верил: каждый, кто научился сегодня, станет его союзником.

Тит невольно поглядывал на ворота: в этот вечер он всё ждал, не покажется ли Торшон — тот самый мальчишка, что недавно пытался умыкнуть у него коробочку с заготовками. Обычно сюда собирались те, кто давно знал друг друга, но сегодня должно было появиться новое лицо. Тит немного волновался, как его примут дети из Среднего города. Но Торшон так и не пришёл.

Тит поймал себя на лёгкой, трудно объяснимой грусти. Возможно, всё так и должно быть: Нижний город редко отдаёт своих просто так, а намёк на талант — тот, что он, возможно, разглядел в Торшоне при их короткой встрече, — почти никогда не становится билетом в свободное творение.

— Титорам Амбусто, а если голос срывается, у меня внутри всё как будто дрожать начинает... — неуверенно спросил худой мальчик в рваной кофте.

— Это хорошо, — мягко ответил Титорам, улыбнувшись. — Значит, тебе есть что сказать миру. Не бойся — научись слушать себя. Внутри тебя появляется сила, которой ты раньше не чувствовал.

— Даже если не всегда получается? — с надеждой уточнил ученик.

— Главное — быть настойчивым и чутким, — Титорам положил ладонь ему на плечо. — Остальное приходит само, когда тренируешься упорно.

Девочка в тёмном платье порывисто сжала в ладони светившийся артефакт и подняла глаза:

— Титорам... а почему наверху учат творить с самого детства, а нас только вы учите? Почему так мало? Разве мы хуже?

Титорам чуть прищурился и ответил мягко, но с серьёзностью:

— Нет, не хуже. Просто в нашем мире нет справедливости: привилегии и возможности распределяют по рождению, а не по таланту. Тех, кто родился наверху, учат творению с первых лет — им никто не говорит, что у них «нет права» или «нет дара».

Он сделал маленькую паузу, глядя, как артефакт мерцает у девочки в руках.

— Я знаю это не понаслышке, — продолжил Титорам. — Мне довелось вырасти среди тех, кто получает лучшее — и редко задумывается, откуда в мире берётся боль и отчаяние. Но я всегда верил: если видишь неправду и молчишь, то становишься её частью.

Он немного помолчал и продолжил:

— Может быть, именно потому я сейчас здесь, а не в родовом доме за семейным ужином. Моя мама творит изысканные обеды и ужины, а вот завтраки я обычно творю себе сам. — Он чуть улыбнулся, почти виновато.

— Мне бы хотелось, чтобы таких мест, как эта школа, было больше, чтобы у всех детей было право учиться, творить, делать ошибки и начинать заново. Чтобы мир опять стал таким, каким был давным-давно, когда не было каст и все были равными. Когда-нибудь вы сможете продолжить это дело уже самостоятельно, сами будете учителями.

Девочка долго крутила в пальцах свой артефакт, потом вдруг вскинула голову и спросила негромко, но серьёзно, будто вспомнив недавнюю боль:

— А если... если я не могу творить, когда мне плохо? Мама сегодня меня била тряпкой за миску... Я её разбила, она разозлилась... Я так расстроилась, плакала, что внутри всё будто погасло. Равновесие уходит и свет исчезает. И слова, что нужно говорить для творения, все забылись. Как можно сохранять в себе этот свет — если почти всегда кто-то его гасит?

На мгновение класс стих. Несколько ребят украдкой переглянулись — им была знакома эта проблема.

Титорам не ответил сразу — он посмотрел на девочку и как будто увидел в её глазах ответ на давно мучивший его вопрос: *люди внизу не могут творить, потому что их веками загоняли в состояние злобы, гнева и ненависти; таким образом, те, у кого дар был мощный, а эмоции злыми, образовали постепенно фракцию «Крикунов». Эмоции человека играют в творении не меньшую роль, чем слова и ощущения!* — это открытие так поразило Тита своей внезапностью и простотой, что он забыл о девочке.

Титорам очнулся и тихо выдохнул:

— Ты права, — наконец сказал он мягко. — Гасить свет — привычное дело для окружающих, когда у самих внутри темно. И правда: когда долго живёшь среди злости и страха, внутри будто бы каменеет место, где должен жить дар. Но, знаешь, даже холодная земля оттаивает после зимы от луча Солнца. Ты не обязана быть всегда сильной — важно просто стараться не переставать искать этот свет, даже если он прячется от тебя.

— Когда вы немного окрепнете и овладеете азами творения, я научу вас защите от страха, гнева, раздражения, зависти, всего того, что мешает чистому творению. А пока, — Титорам перевёл взгляд на остальной класс: — Сегодня я просто хочу научить вас не бояться творить своим голосом.

Некоторое время в классе стояла задумчивая тишина — так бывает, когда дети впервые слышат взрослого, готового сказать правду, даже если она непривычна.

Когда урок подошёл к концу, Тит протянул ладони — в прощальном жесте, как бы собирая на себя остатки вечернего света и детского внимания. Ребята нехотя засобирались по домам, жались к нему, перебирали артефакты, которые он велел оставить до следующего раза. Кому-то из них не хотелось уходить — обретая новые голоса, в которых только-только зазвучала настоящая сила, им так не хотелось возвращаться обратно в холодные квартиры и тесные дворы Среднего города. Сумерки быстро сгущались, ночь в этом климате наступала быстро: здесь никто не задерживается добровольно без нужды после заката.

Тит коротко простился с каждым — кого тронул за плечо, с кем лёгкой шуткой, с кем-то одним словом, — будто хотел дать не только навык творения, но и научить другим эмоциям. И, закинув за спину узкую сумку, куда убрал коробочку с артефактами, двинулся вниз по тесным улицам — туда, где огни становились тусклее и тревожнее, а дома плотнее жались друг к другу. По дороге он думал о том, каким образом, возможно, сформировалась фракция Крикунов в касте Утилизаторов: ведь они тоже, по сути, являлись Творящими — просто творили они абсолютное разрушение, при этом разрушая и себя.

Глава 6 Верховный Совет Академии

Днём, когда в Зале Заседаний Большого совета шла лекция о Пророке, в её недрах на экстренное совещание собирался Верховный Совет. Похищение девушки из Первой касты было событием экстраординарным и требовало таких же неотложных мер.

Зал Верховного Совета находился глубоко под землёй, прямо под Академией, соединяясь тоннелями с домами всех советников. Из центрального холла вниз вели лифт и страшно длинная узкая винтовая лестница; тот, кто решал спускаться пешком, рисковал остаться наедине с собственными мыслями на многие часы.

В плане зал представлял собой идеальный круг. Колонны, поддерживающие гигантский куполообразный свод, уходили ввысь, как стволы подземного леса.

В самом центре, на небольшом холмике из чёрных обугленных камней, стояла зелено-ватого-голубая кристаллическая пирамида — считалось, что это верхушка древней гробницы, той самой, что Пророк воздвиг во имя любимой. Из потолка на неё падал яркий вертикальный луч; проходя сквозь кристалл, он преломлялся в её гранях и расходился по залу множеством чётких лучей, деля пространство на сектора.

Стол из идеально отполированного белого камня кольцом окружал пирамиду памяти, перенимая цвет её свечения. У каждого из старейшин было своё место, закреплённое за его домом не одно столетие.

Стены, покрытые узорчатыми письменами, фресками и гербами Великих Домов — ушедших и ныне здравствующих, — опоясывали зал. В их узор были вплетены нити элегмита, следовавшие за линиями фресок; они светились, аккумулируя излишки творящей энергии. Такими же нитями были выложены до поры скрытые выходы из тоннелей.

Когда старейшина подходил к залу, портал начинал светиться, и голубым огнём вспыхивал герб его Дома. Лишь тогда на стене проявлялась дверь, сквозь которую он торжественно входил. Это было сделано в целях безопасности, чтобы никто посторонний не мог проникнуть на виллу кого-либо из советников даже случайно.

По залу разносились гулкие звуки шагов, пока один за другим главы древних Домов проходили через потайные двери в массивных стенах. Едва все расселись, над залом воцарилась краткая тишина — не было слышно ни дыхания, ни шуршания одежд.

Поднялся Арбит Лаавор Кат До — не слишком высокий для своей касты, с жёсткими чертами лица и взглядом человека, давно привыкшего управлять и повелевать. Ни улыбка, ни малейшее проявление эмоций не смягчали его сурового, резко очерченного лица. Тяжёлый багровый кафтан сидел на нём безупречно ровно. По его ткани струилось золотое свечение живого дерева: корни оплетали подол, а ветви тянулись к плечам, переплетаясь с тускло горящими рунами защитных формул. На запястье, поверх металлического наруча, ярким огнём пульсировал массивный хронометр-органайзер.

— Уважаемые старейшины, — заговорил он глухо; акустика зала подхватила его голос, придавая словам вес, — мы собрались в дни, когда не только наш порядок, но и сама основа мира стала так же неустойчива, как пепел на камнях алтаря Пророка. На границах — беспорядки. Средний город утрачивает прежнюю безопасность — напор низов неуклонно растёт. Каста Охранителей несёт потери. Крикунов замечали у самой черты Нижнего города. А теперь беда коснулась и нас, здесь, наверху, где всегда царили покой и порядок: недавно была похищена Мзия, наследница одного из членов Совета... По этому поводу мы сегодня и собрались.

Арбит умолк. Тишина стала такой плотной, что звон чьего-то перстня, невзначай ударившегося о каменный стол, прозвучал подобно набату.

Слово взял отец Мзии и Ходера — Хор Дер Гармор Ди. Его голос, несмотря на тренировку, выдавал скрытую боль:

— Моя дочь пропала пять дней назад. Следы ведут за пределы Верхнего города. Все патрули приведены в максимальную готовность, подземные ходы обследуются метр за метром. У нас есть достоверные сведения: похищение было тщательно подготовлено — и не обошлось без пособников из Верхнего города.

Сидевший слева от него Суарэ Нифуджви Иолан До сурово качнул головой:

— Это покушение не только на одного из нас, но и на саму идею порядка. Если преступники найдутся — пусть хоть из Первой касты, хоть из древнейшего рода — ничто не спасёт их от суда и кары.

— Лучшие сыщики уже работают над этим делом, — медленно добавил Арбит. — Все переходы между Верхним и Средним городом под контролем. Временно ограничено передвижение слуг из Среднего города. Информаторы ищут любые следы, которые могут привести к похитителям.

Отец Титорама — Амбусто — грозно добавил:

— Мы непременно должны вернуть Мзию! Неужели теперь даже для наших детей этот мир становится опасным? Мы многие века посвятили селекции нашей касты творцов, отбирая лучших из лучших, безжалостно выкорчёвывая недостойные побеги, как завещал Великий Пророк! И что теперь? Нам пытаются диктовать условия безголосые из касты Утилизаторов?

Высокий женский голос прервал грозный спич Амбусто:

— Давайте обсуждать конкретную проблему!

— Насколько мне известно, никто снизу не взял на себя ответственность за похищение Мзии и не предъявлял никаких требований. Или у вас есть другая информация?

— Никакие решения по конкретным вопросам не укрепят общую безопасность, — холодно заметил Амбусто. — Необходимо разработать и внедрить самые жёсткие карательные мероприятия в Нижнем городе и на свалках.

— Отношение к нижним должно быть пересмотрено, — добавила Даризма Харика Эн Дал, и на миг её голос утратил привычную твёрдость. — Восемь лет назад у меня похитили сына. Я до сих пор не знаю, жив ли он. Следующим может оказаться любой из нас.

— Позвольте, — голос Хора Дер Гармора утратил свою бархатистую вежливость, зазвучал твёрдо, — если бы каждый раз, когда происходило несчастье с кем-то из нас, мы отвечали карательными экспедициями против целого города, у нас больше не осталось бы ни союзников, ни лояльных горожан из других каст, ни права на справедливость в отношении нас самих. Или мы хотим повторения бунта столетней давности?

Он неспешно обвёл взглядом зал, явно обращаясь не только к Даризме, но и к тем, кто поддерживал её жёсткую линию:

— Мы ищем не мести всем и вся, а мою дочь и тех, кто действительно виновен. Хаос и страх ничего не принесут, кроме новых врагов и новых бед. Можно посадить в казематы сотни мало-мальски подозреваемых, но от этого ни Мзия не вернётся, ни преступники не предстанут перед судом.

Он помолчал, собравшись, и голос его зазвучал чуть тише, но от этого только пронзительнее:

— Я прошу всех присутствующих направить усилия не на устрашение, а на расследование — тщательное, быстрое, но честное. Иначе мы сами подорвём ту самую основу порядка, за которую так ратуем.

— А главное, — добавил он негромко, — среди низов живёт куда больше тех, кто ненавидит маргиналов не меньше нашего. Если мы обратим против себя весь город — кто тогда захочет быть информатором? Кто осмелится помочь в поисках, если каждый брошенный взгляд или слово станет поводом для кары?

Его последняя фраза повисла в воздухе.

— Не надо создавать ситуацию, когда все воюют против всех. Я прошу решать проблему, а не раздувать её до гражданской войны.

В зале вновь повисло глухое напряжение.

— Что конкретно предлагаете лично вы? — нарушил тишину Арбит. — Пока что слышны лишь возвышенные фразы.

— Конкретно я? Крикуны — крайне закрытая и недружелюбная фракция, но среди них есть те, кто сочувствует нам. Я получил информацию об их причастности к похищению. Мой агент повредил зарядную корзину Криптулиты с записями невольничьего рынка — её должны отдать инженеру Борку на починку. Если всё пойдёт по плану, завтра утром я получу её и тогда мы сможем направить войска к месту, где держат Мзию.

Арбит попытожил, бросив на Хора Дер Гармора раздражённый взгляд.

— Будет хорошо, если это удастся, утром доложите о результатах мне лично, для организации спецоперации. Я назначен верховным Советом координатором по этому делу. Однако если в ближайшие дни не будет продвижения в расследовании — всё-таки потребуется особое решение по наведению кардинального порядка в Нижнем городе и на свалках.

Когда последние слова были сказаны, члены Совета начали расходиться, каждый — своим путём: кто-то направился к тоннелям, ведущим к личным апартаментам, кто-то — к массивным решётчатым дверям лифтов, чтобы подняться в Академию и вновь заняться своими обычными делами.

Трое — Суарэ Нифуджви Иолан До, Даризма Харика Эн Дал и Арбит Лаавор Кат До — быстро, почти без слов договорились встретиться за общим обедом. Поднявшись в холл, они направились на самый верх Академии, где в воздухе припарковалась шикарная вилла Даризмы Харика Эн Дал, которая моментально взмыла в небо, подальше от посторонних глаз.

Они собрались в просторном зале за прозрачными стенами, вокруг которых неспешно плыли облака. Здесь не было слуг, не было никого, кто мог бы подслушать их разговор за большим столом со скромными, по меркам касты, угощениями.

Суарэ Нифуджви Иолан До был явно взволнован больше других участников встречи:

— Господа, вы поняли, что сказал Хор на совете? Завтра у него в руках окажется секретный архив невольничьего рынка Крикунов!

— И что в этом страшного? — удивилась Даризма.

— Как же — он немедленно запросит спасательную экспедицию и освободит свою дочь! Все наши усилия пойдут прахом! — явно суетился Суарэ, что было для него абсолютно не характерно.

— Ну и ладно, освободим его дочь, — пожал плечами Арбит. — Не так уж он её любит — раз даже сейчас не идёт на уступки.

Все молча принялись за трапезу. Казалось, что Суарэ тоже успокоился, запивая угощения удивительно вкусным вином, приготовленным хозяйкой.

Даризма первой нарушила молчание. Не глядя на мужчин, она произнесла:

— Всё было готово. Я считала, что Советник Хор не станет мешать созданию концлагерей на свалках, когда речь пойдёт о его собственной дочери. Но вы сами видели: он одержим своими благотворительными идеями. Поэтому отпустят её или нет — не имеет значения.

Нифуджви-Суарэ подхватил, коротко взглянув на неё:

— Нижний город следует перестроить по нашему плану. Страх стал бы лучшим аргументом для всех — и для верхних, и для низших. А с Крикунами давно надо покончить — уж больно много они о себе возомнили. Не занимаются утилизацией мусора, как им предназначено, а только нагибают утилизаторов без дара, которые и раньше-то плохо делали своё дело, а теперь и вовсе бегут в вольные земли крестьян, которых тоже неплохо было бы прибрать к рукам.

Арбит Лаавор смотрел сквозь прозрачный потолок, туда, где облака растворялись в солнечном свете. Его голос прозвучал особенно глухо:

— Крикуны ещё нам послужат, прежде чем мы скрутим голову этой фракции.

Даризма с жаром согласилась:

— Их необходимо обуздать. Иначе мы вновь получим бунт крикунов, хаос артефактного мусора и потерю контроля. Пора внедрять наш план.

Арбит попробовал возразить, не поднимая глаз:

— Люди будут сопротивляться. Привычка жить в грязи, но свободно, — крепкая. Страх должен идти впереди нововведений.

— Тогда надо сделать страх нашим главным оружием, — коротко бросил отец Нзиы. — Если Хор будет вставлять палки в колёса реформам, получит дочь по кускам. Я думаю, это его вразумит.

— Но всё же надо придумать красивую оболочку. Нельзя называть вещи своими именами, пока все не примут их как должное.

— Официально это — Центры рекультивации. Неофициально — всё: любые меры, какие потребуются, чтобы город подчинился.

Даризма дернула уголок губ.

— Пусть тех, кто не желает меняться, утилизирует их же собственная нищета. Надо отрезать свалки от деревень.

Повисла тишина. Свет, льющийся из стен, падал ровно и безжизненно, превращая комнату в место для холодных расчётов, где чувствам и состраданию просто не осталось места. Взгляды, которыми они обменялись, были кратки, точны, безжалостны — как расчёт в уравнении, в котором сочувствие и сомнение давно исключены как лишние члены. Часы отсчитывали секунды. А над городом уже сгушалось нечто жуткое.

Арбит, промокнув губы салфеткой, взглянул на хронометр-органайзер, встроенный в наруч, и поднялся из-за стола.

— Благодарю за трапезу, Даризма. Твоё мастерство, как всегда, безупречно. К сожалению, дела Совета не ждут, да и подготовка к наступающему празднику требует внимания. Прошу, опусти меня обратно на крышу Академии.

Он коротко поклонился и направился к дверям виллы, которая уже плавно спускалась к посадочной платформе. Суарэ Нифуджви проводил его взглядом, но, несмотря на то что разговор был явно окончен, не сдвинулся с места. Он дождался, пока Арбит удалится, и только тогда повернулся к хозяйке. Напускное спокойствие слетело с него мгновенно, лицо вновь исказила гримаса тревоги.

— Ты не уходишь? — Даризма вопросительно приподняла бровь, лениво покачивая бокал с рубиновым вином.

— Мне нужна твоя помощь, Даризма. Помощь, о которой Арбиту знать необязательно, — быстро заговорил Суарэ Нифуджви, придвинувшись к ней почти вплотную. — Он недооценивает угрозу. Если Хор получит этот архив, он не просто освободит дочь. В этих записях... там могут быть следы, ведущие слишком высоко. К тебе, ко мне, к нам.

— К тебе, ты хотел сказать? — усмехнулась она. — Я знаю, ты на короткой ноге с Улком.

— Неважно! Если рухну я, тень падёт на всех, — отрезал Суарэ. — Надо обратиться к Брашу Раши, пока не поздно, чтобы его люди выкрали архив сегодня же!

— С каких это пор в тюремных архивах записывают что-либо о членах Совета? Ты говоришь что-то не то. По-моему, паника излишняя.

— Ты не понимаешь! Дело даже не в архиве — девочку нельзя отпускать.

— Почему? Мы же договаривались только припугнуть Хора.

— Да, конечно... — замялся Суарэ, подбирая слова. — Но подумай: Мзия сейчас в одной из тюрем Крикунов. Если Хор получит архив, он узнает, что её держит Улк — мой ценнейший

актив. Он не просто агент: он держит в узде половину Нижнего города и выполняет для нас всю грязную работу. Если его уничтожат, мы потеряем контроль над свалками.

Даризма недоверчиво хмыкнула.

— Улк — всего лишь инструмент, Суарэ. Сломается — найдём другой.

— Ты так трясешься ради какого-то бандита? Не верю. Говори правду, или я не дам тебе контакт Браша.

Суарэ тяжело вздохнул. Он оглянулся на двери, будто боясь даже теней.

— Ладно. Правда такова: я сам приказал похитить Мзию. Хотел сломить Хора: забрать у него самое дорогое и заставить прекратить мешать нашим планам. Но Улк... Улк передал архив не тем людям. После выступления Хора стало ясно: он знает, где искать. А это значит — Улк либо предал, либо допустил утечку, за которую мне придётся расплачиваться головой.

Он понизил голос:

— Если Хор получит архив — он поймёт, что за похищением стою я. И тогда это будет не просто скандал. Это трибунал. Меня уничтожат. А тень падёт на всех нас. Поэтому архив не должен попасть к Хору. А Мзия... — он замолчал, затем добавил глухо: — Мзия не должна вернуться. Никогда.

Даризма долго смотрела на него.

— Ты хочешь, чтобы я использовала Браша против твоего же агента?

— Я хочу, чтобы ты спасла нас обоих, — ответил Суарэ. — Пока ещё не поздно.

Она медленно поставила бокал на стол и подняла на него удивлённые глаза. Пауза была дольше, чем требовал этикет. Затем она медленно произнесла имя.

— Браш Раши? — в её голосе зазвучали ледяные нотки. — С чего ты взял, что я стану связываться с этим отребьем ради твоих интриг?

— Потому что ты знаешь его лучше всех, — тихо сказал Суарэ. — Восемь лет назад, когда пропал твой сын... Ты дошла до самого дна. Говорят, именно Браш помогал тебе, когда стража отказалась искать. У тебя остались каналы, Даризма. Я знаю.

Женщина отвернулась к окну. Воспоминание о тех днях, полных отчаяния и грязи, всё ещё причиняло боль, но Суарэ был прав. Те связи были скреплены тайной, которую она никому и никогда не расскажет.

— Мне нужно, чтобы люди Браш перехватили архив до того, как он попадёт в руки Хора, — настаивал Суарэ. — Тихо. Без шума. Сделай это — и я буду твоим должником до конца дней.

Даризма молчала минуту, которая показалась Суарэ вечностью, затем сказала, не оборачиваясь:

— Хорошо. Я дам тебе контакт. Но договариваться с ним ты будешь сам. И помни, Суарэ Нифуджи: Браш Раши не берёт плату обещаниями. Ему нужна только «нетленная» валюта.

Суарэ побледнел. — Элегмит?

— Чистый. Без примесей.

— Сколько?

— Это уже не ко мне. Спросишь у него сам.

Глава 7 Криптулита

Тит шёл по отполированным временем камням Среднего города, где эхо шагов гасло в узких проулках, зажатых глухими фасадами. Он думал о Творящем Слове — природном даре, что изначально был у каждого, но наступили тёмные века. Тогда дар жестоко разделили: насильно отобрав творящий голос у одних ради возвышения других, общество навсегда раскололось на достойных и недостойных, обречённых владеть жалкое существование. Эксперименты над человеческой природой были преданы забвению, стерты из официальных хроник, но их след остался в бунтах «недостойных», семь раз обрушивавших целые города. Именно поэтому Элегма теперь покоится на многоярусных тоннелях, скрывая под мостовыми руины прежних эпох. Сегодня древняя сила требовалась ему не ради высоких истин, а чтобы помочь другу найти пропавшую девушку. Каменные ступени вывели его к спуску в нижние кварталы: перед встречей с Ходером ему нужно было зайти в лавку Борка Молчуна на Нижнем базаре.

Дверь, как обычно, оказалась приоткрытой — внутри пахло припоем, какой-то кислотой и старым воском. Борк ничего не сказал, только поклонился и молча протянул Титу плотно завернутый в грубую ткань предмет — тяжёлый, сложной формы. Тит отметил: «Это кажется живым... И опасным». Он привык к немногословности товарища и так же молча поклонился в ответ, после чего бережно принял свёрток.

Получив подробную инструкцию и коротко поблагодарив Молчуна, он убрал полученное в сумку и поспешил дальше. У южных ворот Среднего города, в едва различимом свете фонарей, уже ждал Ходер. Он немного замёрз, несмотря на тёплый вечер, и то и дело оглядывался, будто опасался кого-то. Завидев Тита, Ходер расправил плечи и подошёл к другу.

— Прости за задержку, — Тит указал на свою сумку и, не тратя времени на объяснения, бросил: — Идём обратно в школу. Борк достал «Криптулиту» — архив невольничьего рынка, который поможет найти твою сестру.

Ходер едва не осел от волнения — колени предательски дрогнули. Но уже в следующее мгновение он схватил Тита за плечи и торопливо принялся расспрашивать о содержании архива. Глаза его расширились, лицо озарилось воодушевлением — было ясно: внутри артефакта то, что он искал не один день.

— Она жива? — шёпотом спросил Ходер, мельком взглянув на распухшую сумку Тита.

— Да. Но расшифровка местоположения займёт не один час. Нам нужно укрыться где-нибудь. Пойдём в школу.

— Нет, давай прямо тут развернём Криптулиту и пойдём за сестрой, — в голосе Ходера прозвучало столько отчаяния и веры одновременно, что Тит едва удержался от резкого слова. Он лишь покачал головой, слегка помедлив, чтобы тон не прозвучал менторским.

— Прямо тут не получится, Ходер. Артефакт куда сложнее, чем кажется. «Криптулита» не укажет путь прямо — для начала мы должны хотя бы корректно развернуть её. Потом расшифровать, где держат твою сестру и как попасть внутрь. Там, скорее всего, не просто дверь, возможно, не одна дверь. Возможно, расставлены ловушки, к каждой нужен свой код. Нижние шифруют двери не только хитрыми механизмами, но и криками, которых ни ты, ни я никогда не издавали — нас засекут в момент!

— Если поспешим, можем попасть в ловушку. Иногда вход открывается только в определённое время... Может быть, прямо сейчас и войти-то невозможно: есть узилища, которые доступны только раз в несколько дней.

Тит на миг задержался, выдохнул.

— У Борка получилось достать не только «Криптулиту», но и ключ к ней. Поэтому не стоит рисковать всем из-за одного неправильно сделанного шага. Нам нужно тихое место и

время, чтобы всё изучить и не нарваться на смерть или плен вместо спасения твоей сестры. Школа — лучшее для этого место.

— Хорошо. Веди. Я... доверяю тебе. Но обещай: мы не будем ждать больше, чем надо.

— Обещаю, — коротко ответил Тит. — Сегодня мы должны разобраться и понять, как действовать дальше.

Они двинулись в ночи по пустым улицам города — держась рядом, слегка освещая путь тут же сотворёнными фонарями.

В тёмном классе под крышей школы Тит и Ходер зажгли одну-единственную лампу и выложили на потрёпанный стол артефакт — «Криптулиту», ту самую, что в низших кастах звалась «Свёргом».

Она выглядела завораживающе: бронзовые ленты панциря, свитые в тугую спираль, покрыты рунами — в них таятся голоса и портреты прошлых пленников. Мягкое светящееся основание, переливающееся тёплыми огоньками, позволяло двигаться самостоятельно. Привыкшее к ночному мраку помещение будто засмотрелось на их действия. «Криптулита», или «Свёрг», была не просто артефактом-архивом, но существом со своим нором: если рядом становилось опасно или хозяин терял осторожность, она могла внезапно отползти, словно живая улитка, затаиться в тёмном углу и вовсе погасить своё внутреннее сияние, становясь почти неотличимой от бесформенного камня. В такие моменты найти её было труднее, чем выследить беглеца: «Криптулита» будто стирала саму себя из внимания, становясь невидимкой, пока не почувствует рядом хозяина с ключом.

Тит держал в руках переливающийся от чёрного до перламутрового ключ, особый, с вырезами, которые угадывались только под светом от основания «Криптулиты».

— Сейчас... — выдохнул он, подбирая момент по характеру света внутри улитки, — сейчас она покажет...

Тит осторожно поднёс ключ к замысловатому замку на светящемся подножии «Криптулиты». Еле различимый щелчок, короткая вспышка — и её спирали начали медленно поворачиваться, развиваясь; бронзовые ленты с рунической вязью, открывая записи и точки запуска голограмм. Ленты одна за другой плавно выгибались, издавая тихое жужжание.

И тут появилась лента с именем «Мзия Хор Дер Га». Ходер дёрнулся вперёд, сделал неверное движение руками слишком близко к архиву — свиток вдруг задрожал, и тут же, с тихим треском, вспыхнул с ослепительной яркостью. Сразу зажглось слишком много огней. Ленты в одно мгновение перестали быть единым потоком: они рвались, спутывались, превращаясь в пазлы, и обрушивались вниз. Вся структура рассыпалась — перед глазами друзей на стол и пол полетели десятки, сотни кусочков: каждый — загадочный пазл, вырезанный из светящейся металлической ленты, и на каждом — обрывок слова, часть гравюры, осколок руны, точка синтеза голограммы.

Каждый кусочек звучал по-своему: то ныли изнутри, то раздавался детский плач, то при прикосновении отзывались женским шёпотом, то вовсе молчали. Теперь путь к Мзии был скрыт где-то среди этого хаоса.

— Нет... — в голосе Ходера сквозили ужас и отчаяние. — Мы же должны были...

Тит охнул от неожиданности и тихо, несколько сварливо пробурчал:

— Вот зачем я предупреждал по дороге, что это за тварь. Теперь придётся дольше разбирать всё это... Ладно, справимся. Не отчаивайся. Криптулиту можно собрать, но для этого надо достать ещё одну штуку. Эти архивы нуждаются в подзарядке и хранятся в специальных корзинах-домиках: обычно они туда заползают самостоятельно, когда чувствуют в этом потребность, но если случается такое, что архив поломан, то собрать его можно либо медленно и печально, подбирая один пазл к другому, либо опустив все кусочки в её корзину.

— Но нам не нужен весь архив! — Ходер не мог сдержать нетерпения, которое уже сослужило им плохую службу.

— Да, можно попытаться собрать только пазлы, связанные с Мзией. Давай пробовать.

Ночь они провели в изучении «Криптулиты» и поиске нужных фрагментов информации.

Тит и Ходер работали за столом под тусклой лампой, перебирая разрозненные куски «Криптулиты». Пазлы — холодные, звенящие при соприкосновении, — царапали руки острыми краями; было слышно, как они шептались между собой, то и дело сверкая отблесками рун, через которые проступали обрывки слов и силуэтов. Ходер вновь и вновь пытался уловить знакомый узор, фрагмент голограммы с именем «Мзия Хор Дер Га», но чем ближе к рассвету, тем более опустошённым и отчаявшимся становился его взгляд.

Какая-то часть информации всё же нашлась: имя, примерное место заключения, даже обрывок голографической метки. Но кодов доступа к дверям и точкам прохода не было. Фрагменты упорно не стыковались, скользили в руках, будто живые, и никакие ухищрения не помогали. Ходер придумал было небольшую творительную хитрость: запел старую колыбельную, которую они с сестрой пели в детстве. Стоило звуку сорваться с губ, как в воздухе начали надуваться цветные мыльные пузыри. Те пазлы, что хранили отголоски Мзии, мгновенно отозвались, вспыхнули и потянулись к ладоням. Но фрагменты, связанные с маршрутом, инструкциями и кодами ловушек, оставались глухи. Их пришлось собирать вручную, перебирая сотни осколков. Ходер уже начинал злиться, а Тит с трудом гнал прочь подступавшую усталость и тоску.

К рассвету, когда за окнами посерело небо, Тит тихо произнёс:

— Мы можем копать здесь сутками без толку. Без сборочной корзины «Свёрг» не ожить. И неизвестно, не сотрётся ли её след из архива, пока мы возимся. Если кто и может помочь, так это Борк. Он же добыл артефакт — значит, найдёт и корзину.

Глава 8 Торшон

Торшон, мальчишка маленький, крепкий, с ловкими, порывистыми движениями, едва не задохнулся от волнения, когда сумел вытащить из кармана чужака с сияющим воротником золотую, странную коробочку. Он давно знал: работать нужно быстро и, если повезло, сразу же исчезать в лабиринте улиц Нижнего города.

Но на этот раз везение изменило Торшону: хлёсткое, как удар бича, заклинание верховного материализовалось в тугое лассо и притянуло его к ногам благородных господ.

Это случилось у лавки со странными антикварными предметами, назначение коих было для мальчика загадкой. Чужак, у которого он своровал коробочку, на миг остановился, разглядывая стрекозу с удивительными крыльями, в которых будто застыли кусочки заката, и в этот миг Торшон резко выскочил из толпы и лёгким прикосновением скользнул в карман господина, ухватив её за торчащий край. Гладкая коробочка вышла легко, почти без сопротивления. Слишком легко.

Он думал, что ушёл, вливаясь в поток у прилавков с сушёной рыбой, когда хлопок разорвал воздух — не звук, а материализованный разрыв тишины. Воздух сжался, как мокрое тряпье в кулаке, и втянул его назад — к сияющим одеждам, к дивной светящейся обуви.

Он увидел свои ноги — в песке, в грязной воде — и понял: всё — конец.

Но вместо боли, гнева и крика был только голос — негромкий, почти спокойный. Торшон не сразу осознал, что чужак не бьёт его, не зовёт стражу, не вырывает у него коробочку силой. Он был готов ко всему: к позору, клейму, даже к тому, что его здесь же сделают калекой или убьют. А вместо этого — протянутая рука и тихий, почти ласковый голос.

— Отдай. Продать хотел? — спросил Титорам, возвращая коробочку в карман.

Казалось, дыхание застряло где-то глубоко внутри, а сердце стучит так громко, что вот-вот услышат все вокруг, даже сквозь шум рынка.

— Кража — это слишком просто, — сказал чужак. — Любой человек способен на большее, и ты тоже.

Он говорил, а во взгляде не было ни привычной злобы, ни холодного презрения — только усталость и что-то незнакомое мальчику, чего он никогда не ощущал раньше.

Торшон ни разу в жизни не встречался лицом к лицу с представителями высшей касты, и на него нахлынули странные эмоции — то ли от звука голоса, идущего сквозь блокатор, то ли от чего-то ещё. Он не знал, что делать с этим: оно будто подменило привычный страх чем-то неизвестным. Или знакомым?

— Не хочешь жить чужими объедками? Приходи завтра вечером — вот адрес, — добавил незнакомец и протянул мальчишке полоску бумаги с таинственной печатью.

— Научу тебя искусству, как творить, а не красть.

Скомканный кусочек бумаги вдруг стал горячим, словно в нём пульсировала жизнь, и Торшон рефлекторно сжал его в кулаке, не совсем понимая, почему тут же не убежал, а медленно пошёл прочь — и почему, к своему удивлению, расплакался от облегчения.

По дороге домой он вдруг подумал: конец иногда бывает началом чего-то. Но чего именно — не знал.

Дом его семьи располагался в тесных закоулках у самого края Нижнего города, там, где он переходил в гигантскую свалку. Здесь, где даже дневной свет казался серым, разбавленным дымом и запахом медленных костров, стояло низкое, покосившееся жилище. Стены были обиты разнокалиберными листами — от ржавого металла до потрескавшегося пластика, окна завешаны сшитыми из лоскутов занавесками. Жили впятером: мать, две сестры, старый дед и сам Торшон. Бывало, что ночевал ещё какой-нибудь дядя или просто случайный постоялец, пользующийся приютом за пару монет.

Семья никогда не голодала всерьёз — мать знала толк в меновой торговле, пожалуй, в этом ей не было равных: она принимала на хранение краденое и сама же его сбывала. Отец ушёл ещё до рождения младшей сестры, а дед остался жить в семье сына. Разговаривал он редко, но был уважаем в квартале за умение чинить инструменты утилизаторов. В доме пахло печёными лепёшками, вяленным мясом и, разумеется, вездесущей пылью, что поднималась с помоек и оседала на всём, проникая даже в складки кожи.

Кража была для Торшона привычным делом, если не считать того, что на этот раз он покусился на собственность человека из высшего общества. Но здесь, под крышей из ржавого железа, никто не ждал милости от тех, чьи воротники скрывают лица — каждый сам ковал свою долю удачи.

Сунув записку с приглашением на занятия, полученную от Тита, глубоко под тряпье в углу своей постели, он долго не решался посмотреть, что там написано: за видимой красотой кремовой бумаги с золотистыми надписями крылась неизвестность, которая тревожила мальчика. Спать этой ночью не удавалось — ему чудилось, будто холодная рука подбирается к его горлу, будто взгляд того статного чужака из верхнего мира всё ещё лежит на нём, тяжёлый, ледяной, от которого не скрыться даже за стенами лачуги, хотя второй, который дал записку, как будто был другим...

Утром мать выпроводила из лачуги очередного постояльца, не глядя на сына, что-то пробормотала про беспокойные сны. Сёстры переругивались из-за тряпок, дед возился со старым ключом, делая вид, что не замечает ничего вокруг. Дом жил так, словно ничего не изменилось, но Торшон не мог найти себе места из-за сомнений насчёт вечера: «Идти, не идти? Вдруг это ловушка? От верхних не приходится ждать ничего хорошего — они известны своей подлостью».

Он наконец решился открыть записку, а затем много раз открывал и читал адрес школы, написанный на красивом листке.

Из-за того, что когда-то, в древности, все люди обладали творящим голосом, письмо и чтение были сильно развиты, и даже сейчас им владели все касты: даже последние из последних изучали каллиграфию и рисование.

Что будет, если решиться пойти на вечерние занятия к высокородному господину? Посоветоваться мальчику было не с кем: мать точно запретит, сёстры — дуры, к деду на хромой козе не подъехать. Друзья... Банда, в которой состоял Торшон, не была его друзьями — скорее наоборот: их жестокость к своим при малейшем нарушении правил не имела ничего общего с дружбой.

На завтрак мать подала ему последнюю лепёшку — сухую, с краем, обгрызенным младшей сестрой, — и, не глядя, бросила:

— Пустой возвратился. Пустой и стол.

Торшон жевал молча. Горечь — не от еды, а от слов матери, от того, что в кармане всё ещё лежала записка, а в кошельке — ничего; а Лок сегодня потребует взнос в общак. Зачем ему эта дурацкая записка? Надо было сразу выкинуть. Но она такая красивая и как будто живая, тёплая.

Он выпил всю воду из кувшина — не из жажды, а чтобы наполнить пустой живот. Вышел. Дверь захлопнулась сама, как всегда, с помощью сложного механизма, сделанного дедом, которому вечно дуло от открытой двери.

Торшон засунул руки в карманы — в одном лежал красивый листок бумаги — и, стараясь не думать о революции в животе, отправился на свалку, тянущуюся за Нижним городом на многие километры, в надежде раздобыть съестное или что-нибудь годное для обмена.

Он долго бродил между груд железа, пару раз наткнулся на знакомых мальчишек, но быстро свернул в другую сторону: с голодным человеком здесь никто напополам делиться не станет.

Покрутившись тут без всякого результата, он пошёл вглубь свалки — на краю ловить было нечего. Одна из куч казалась особенно нетронутой: возле неё высились металлические ограждения, проржавевшие, но обмотанные новой плетёной проволокой — что явно было неспроста. Обычно он не подходил близко к кем-то помеченным кучам: мать однажды шепнула, что у плетёных меток видели «Крикунов», которые никогда не приближаются без нужды к городу.

Но сегодня Торшон слишком проголодался, чтобы быть осторожным. Между горами мусора виделся узкий лаз, и он, пригнувшись, пробрался внутрь горы отбросов, минуя ограждение. Он чуть не сорвался вниз — настолько неожиданно узкий лаз превратился в огромную пещеру, пол которой чернел где-то внизу.

В глубинах под многовековыми свалками царил душная тьма и тишина, но вдруг откуда-то послышались звуки шагов, а затем появился и свет фонарей.

Он затаился, сердце застучало, готовое выскочить наружу.

Из прямоугольного прохода в нагромождениях мусора — теперь ясно видимого внизу — появились двое в серых грубых плащах и масках, явно не местные; они вели третьего в шлеме со связанными за спиной руками.

По фигуре и одежде это была девушка из Верхних. Охранники вели её осторожно, но крепко, сжимая её локти, словно знали, на что она способна. На её голове плотно сидел тяжёлый шлем, абсолютно лишённый щелей и узоров — только глянцевая чёрная поверхность с почти незаметными швами, из которых тускло шёл багровый свет. Этот шлем полностью изолировал её от окружающего мира, и любое творящее слово, которое могла бы произнести пленница, обращалось в мучительную, глухую боль, ранящую её саму.

Охранники шли тихо, почти беззвучно, как будто чего-то опасаясь. Как только троица приблизилась к центру огромной полости, проход, через который они вошли, медленно и практически бесшумно закрылся. В этот же миг по команде одного из стражей открылся другой, узкий проход на противоположной стороне зала, сверкнув рунами на створке. Тяжёлая металлическая дверь плавно скользнула в сторону, открывая тоннель с ровным жёлто-зелёным светом.

Пленницу увели дальше, вглубь подземелий, а за их спинами бесформенный помоечный хлам вновь сомкнулся, скрывая их путь от случайного взгляда. Торшон едва решался дышать — только теперь до него начало доходить, что он случайно стал невольным свидетелем чего-то, с чем не стоит сталкиваться даже самым отчаянным жителям окраин.

Он понял: здесь держат кого-то, кого не видели ни на одной из улиц Нижнего города — не бандита, не вора, а кого-то гораздо более важного. Ради кого выставили хитрые ловушки, на кого работают чужаки и кого боятся даже самые лихие утилизаторы.

Выбравшись наружу, Торшон быстро побежал прочь. Кажется, его никто не заметил.

К полудню голод лишь усилился. Он стоял у ржавого бака с синтезированным топливом, за которым начиналась территория «Железного Пальца».

Четверо молча сидели под открытым небом вокруг круглого стола из обрезков труб — не ели, не смеялись. Лок крутил между пальцами металлические шарики. Ждали Торшона. В центре стола — чашка с деньгами, на поверхности — расчерченная мелом таблица: кто сколько внёс в общак.

Лок, заместитель Стирка, приветствовал Торшона жестом — правый кулак небрежно коснулся левого плеча — и молча указал на свободный стул. Взял мел, написал его имя внизу таблицы и посмотрел на него вопросительно.

— Сколько?

Торшон молчал.

— Ну? — Лок включил свой скрипучий, неприятный голос в общение, до того происходившее беззвучно, и постучал пальцем по столу. — В общий котёл — что?

— Ноль, — тихо сказал Торшон.

— Ноль, — повторил Лок, как будто пробуя слово на вкус. — Значит, сегодня отработаешь вечером. Намечается дельце, заказ сверху — на одного барыгу на рынке. Не знаю, зачем им механические кузнечики и всякая игрушечная дрянь, но деньги платят хорошие за плёвое дельце.

Он бросил шарики в углубление на столе; они печально звякнули, несколько раз ударившись друг о друга.

— Ты — на входе. Твоя задача простая: не просмотреть охранителей. Знаешь эту лавку игрушек? Стоит чуть в стороне от мясных рядов, окна — в пыли, внутри — жужжание, шёлканье, как в улье. Продавец — Борк-Молчун. Всегда молчит, будто он из касты Молчаливых. Двери в лавке на простых замках; Стирк вскрыет за минуту, я думаю.

Лок навис над Торшоном. Его голос, всегда скрипучий, будто ржавый шарнир, стал почти шёпотом, но от этого звучал только агрессивнее:

— Ты вчера был на рынке? Не заметил, где тусуется охрана? Лучше б они были подальше — для их же блага. Не хочется марать об этих свиней руки.

Он постучал костяшками по собственному запястью в металлических браслетах и щёлкнул железным протезом левой руки.

— От тебя зависит, сколько прольётся крови сегодня ночью. Так что смотри в оба!

Он вернул шарики в карман и встал. Остальные — тоже. Встреча закончена. Торшон не сказал «да». Просто встал и пошёл прочь.

Глава 9 Неудачный налёт

К ночи дымы с помоек сгустились так, что даже уроженцы Нижнего города, привыкшие к темноте, различали друг друга с большим трудом.

Банда «Железного Пальца» двигалась тихо: Лок — чуть впереди, Стирк с отмычками — за ним, двое для прикрытия — по флангам, Торшон — замыкал, как и велел Лок:

— Смотри в оба. Сигналишь — этим свистком. Он стрекочет, как цикада, но громче. Это не вызовет мгновенной реакции у стражи.

Лавка стояла в тишине. Окна — чёрные. Ни огня, ни движения. Только слабое жужжание механических кузнечиков, как дыхание спящего зверя.

— Стоп. Пришли, — прошипел Лок. — Стирк, командуй.

— Ты — к ящику, — коротко бросил Стирк Локу. — Остальные — прикрытия. Торш, ты — у выхода. Если что — свисти в свисток.

Стирк приложил инструмент к замку. Два поворота отмычки — и дверь открылась без малейшего скрипа, очень легко. Слишком легко, — подумал Стирк. И шагнул внутрь.

И в тот же миг — не один, не десяток — сотни кузнечиков сорвались с мест не прыжком, а волной, будто их двигал единый пульс. Со стен, с полок, из-под прилавка мелькнули бронзовые спины, блеснули жёсткие крылья-ножи.

Первый из прикрытия вскрикнул — и замолк, когда три жука впились ему в горло, раскрыв рты-лезвия.

Второй выхватил нож, но кузнечики облепили руку; крылья захлопали: щёлк-щёлк-щёлк — и кость хрустнула, будто сухая ветка.

Стирк рванулся к выходу, но дверь запечаталась. Из-под прилавка выстрелили цепи — тонкие, из сплетённой проволоки, с крючьями на концах. Обвили ноги, руки, шею.

Торшон не кричал. Он затаился у порога, вжался в дверь — и кузнечики обошли его. Не тронули. Наверное, потому что он не двигался и не сопротивлялся.

В живых остались Торшон, прижатый к стене и связанный цепями, и Стирк — с окровавленной рукой и цепью на шее, намотанной поверх железного торка: только он и защитил его от неминуемой смерти. Остальные — неподвижны.

— Прикончили... игрушками, — прохрипел Стирк. — Смешно.

Торшон не ответил. Следил за кузнечиками. Они не улетели. Остались — на стенах, на потолке, на поверженных грабителях. Ждали.

Цепи на шее у Стирка противно скрипели при соприкосновении с железным воротником. Он прислонился к стене, дышал с хрипом, скрипел зубами от боли, но глаза его остались колючими — злость жила в них, как заноза.

— Ты, — выдохнул наконец Стирк, — почему тебя не тронули?

Торшон слишком долго молчал, словно соображал, можно ли сейчас говорить. Он стоял прямо, остро ощущая спиной грубый дверной косяк. Кузнечики будто ждали, повернув головы: двигаться нельзя — он это чувствовал нутром.

— Не знаю, — выдавил наконец Торшон. — Просто... не стал дёргаться.

— Вот ведь дерьмо... — процедил сквозь зубы Стирк, глядя себе под ноги. — Сказали — лёгкое дело. Слабоумные, блин, заказчики... Вечно думают: раз у кого-то на рынке игрушки, значит, ворота на верёвочке.

— Сколько я по рынкам шарился, Торш... Ни разу такого не видел. Кузнечики... — он криво усмехнулся, губы задрожали, но Торшон этого не заметил. — Механика чёртова... Кто бы думал... мечтал, что старшие наконец-то заметят, кто тут лучший взломщик. А вышло — хре... — осёкся. Бросил взгляд на Торшона.

— Ты зачем вообще пошёл с нами? — спросил вдруг, тише. — Ты мелкий, тебе бы и воровать по мелочи...

— Лок за вчерашний долг приговорил. Я вообще сегодня вечером должен был быть в другом месте.

— А, Лок... — Стирк посмотрел на затихшее навсегда тело своего заместителя. — Посылал эту тварь вчера на разведку. Разведаль, урод, блин.

Он зло сплюнул, но слюна застряла на подбородке.

— Думал, хоть раз имя своё высветить... — вдруг повернулся к Торшону, серьёзно. — Не будь, Торш, как я. От них, от верхних, одни слёзы и грязь на руках. Я... — он осёкся, оглянулся, будто впервые понял, что половина их банды осталась тут, и губы его дрогнули, но слёзы он сдержал.

Торшон молчал. У него внутри тоже всё тряслось, но слова никак не собирались в предложения.

Минуты тянулись. Кузнечики замерли, сидя на живых и мёртвых, обратившись в неподвижные изваяния.

— Как думаешь, Борк приходит сюда с самого утра? — спросил Торшон шёпотом.

— Знал бы я! — вдруг процедил Стирк. — Эта лавка, слышал, открывается только к вечеру. Молчун ихний любит поспать — я как-то видел: он, будто из-под земли, выползает, по улице не шёл — и вдруг, раз — открывает свою вонючую лавку. А мы... — он шевельнул руками, цепи лязгнули. — Если не сдохнем от страха, то он нас прикончит, когда застучает тут.

— Ты, — вдруг живо глянул Стирк, — даже не ранен? У тебя что, талисман какой — что тебя не тронули?

Торшон отвёл взгляд, сунул машинально руку в карман и ощутил тепло. Он совершенно забыл о записке, сунутой туда утром впопыхах.

— Просто... мне так повезло, наверное, — Торшон дёрнул плечом, будто отгоняя какую-то мысль.

— Повезло, — скривился Стирк. — Вот оно, счастье утилизатора. Родись, воруй, прячься по щелям на мусорных кучах — и помирай, чтобы не заметили... А я думал — вырвусь. Вот она, моя слава...

Он опустил голову, притих, придвинулся ближе к стене, бормоча себе что-то под нос. Снаружи заколыхались тени редких прохожих, утро просачивалось сквозь пыльные окна. В лавке стало совсем тихо, даже кузнечики, казалось, спали.

Рассвет пришёл без солнечного света — серый, как всегда внизу. Дверь открылась. Тихо. Без щелчка.

Словно возникая из густых утренних сумерек Нижнего города, в пустоте дверного проёма появился Борк-Молчун. Он шагнул в лавку — медленно, бесшумно, будто не замечая погрома, который вырисовывался в тусклом утреннем свете, просачивающемся сквозь пыльные занавеси. Его лицо — худое, исчерченное сетью глубоких морщин — не выражало ни удивления, ни осуждения, ни даже усталости; лишь сдержанная сосредоточенность читалась в выпуклых, бесстрастных глазах. На светлой коже эти складки лежали линиями древних высохших ущелий, а прямой профиль и узкий подбородок придавали облику строгую, монолитную цельность.

Он был облачён в оригинальный костюм — не типичный своей сложностью для обитателей рынка, но по цветовой гамме такой же сдержанный: глубокие коричневые и бронзовые тона, словно выпуклые от времени. Это был френч из мягкой кожи, покрытый сложной сетью металлических трубок, шестерёнок и заклёпок, сплетённых в причудливую, почти органическую систему. На груди, плечах, предплечьях и даже коленях — встроенные хронометры, приборы и мелкие механизмы, соединённые тонкими проводами и витыми спиралями. Непонятно было, имеет ли всё это какой-то функционал — или это просто красивый декор, собранный из

всякого хлама на помойках Нижнего города. Лёгкое жужжание вмонтированных механизмов было едва заметным — скорее ощущение, чем звук.

На плече сидела механическая брошь-насекомое — кажется, кузнечик: его тонкие крылья иногда дёргались, улавливая невидимые импульсы в воздухе, а маленькие янтарные глазки поблёскивали, отражая дрожащий свет, идущий из запылённых окон лавки. Борк коснулся его слегка, не глядя, и тот дрогнул лапкой. По лавке почти незаметно прошёл тихий сигнал. Спрыгивая с пленников, стайка механических насекомых мигом рассыпалась по своим местам: кто на стену, кто под потолок, кто под прилавок, кто в шкаф.

Борк остановился в центре, осматривая поле битвы.

— Ну... И зачем вы устроили этот погром?

— Это не мы, это ваши кузнечики всех изрезали в один миг, — ответил Стирк охрипшим, севшим голосом, в котором смешались усталость, досада и злость — как у человека, который всю ночь провёл в страхе и сейчас едва сдерживает отчаяние. В горле у него пересохло, слова давались с трудом, но звучали резко, чуть вызывающе: он, защищаясь, пытался нападать.

— Ну-ну... Это не мои кузнечики влезли к вам домой.

Отвечая Стирку, Борк коротко посмотрел на Торшона.

— А тебя, я смотрю, вообще не тронули? С чего бы?

— Я... я не знаю, так вышло, — мямлил Торш, опустив глаза.

Борк не ответил сразу — только прищурился, будто видел Торшона насквозь. Его голос прозвучал тихо, но отчётливо и с явным недоверием:

— Так вышло... — повторил он, абсолютно не веря услышанному. — В этой жизни ничего просто так не выходит. Почему-то повезло тебе сегодня, парень. Неспроста это.

Он задержал взгляд на Торшоне, давая понять: в «так вышло» он не верит, но расспрашивать дальше не собирается — по крайней мере, сейчас.

— Почему всё-таки решились лезть сюда? Зачем пришли? — спросил Борк, снова переводя взгляд на Стирка.

Стирк глянул на труп Лока у стены, быстро сообразил, что валить всё надо на мёртвого — какой с него спрос?

— Лок... Лок нас сюда и привёл. Говорил, мол, дело есть, заказ сверху, лёгкая ходка. Кто заказчик — не сказал, хотя я спрашивал... Лок принёс хорошие деньги, сказал — дело плёвое, что-то взять в лавке игрушек. Что именно — не сказал, а я не спрашивал...

Борк смотрел долго, холодно, и было ясно: такой бессовестной лжи он не верит.

Он наконец нарушил напряжённую тишину, криво усмехнулся:

— Врёшь ты, парень, и не краснеешь... Хотя куда тебе ещё краснеть — в крови весь, — тихо бросил он, не отводя взгляда.

Стирк обречённо отмахнулся, голос его стал вялым, едва слышным:

— Не вру я, дяденька... Как есть говорю... — пробормотал, глотая сухость и не поднимая глаз.

Борк быстро открыл незаметную дверцу встроенного шкафа и достал какое-то приспособление. Он подошёл к Стирку. Не сказал ни слова. Просто наклонился — и резким движением с помощью особого ключа сорвал цепи с его шеи и запястий. Металл звякнул, упал на пол.

Рука Стирка дёрнулась — боль мгновение назад, скованная цепями, хлынула волной.

— Вставай, — тихо сказал Борк. — Не падай.

Стирк с трудом поднялся, опираясь на стену. Внизу шеи проступила синяя вмятина от железного ошейника-торка — цепи так глубоко вдавили его за ночь, что кожа под ним посинела. Он сглотнул, часто задышал, но взгляд всё ещё оставался колючим.

Ни слова не говоря, Борк сделал знак Стирку — за мной — и направился к двери склада в дальнем углу лавки. Зажёг на запястье маленький фонарь: острый белый луч пронзил темноту.

— Карманы, — коротко бросил он.

Стирк молча вывернул их наизнанку: монеты, кусочек проволоки, обломок кремня для разведения огня. Борк ничего не тронул, только посмотрел:

— Всё.

— Ты, — сказал он Торшону.

Тот весь сжался. В левом кармане — записка.

Он медлил.

— Быстрее, — тихо сказал Борк.

Торшон сунул руку и вытащил сначала пыльный камешек, потом обрывок верёвки, потом — записку.

Борк не протянул руку. Просто посмотрел. Потом — почти незаметно — пальцы его левой руки слегка дёрнулись, как лапки у кузнечика на плече.

— Дай.

Торшон подал. Борк развернул. Прочёл. Медленно сложил обратно. Не сказал — откуда. Не спросил — кто. Просто сунул записку себе в нагрудный карман.

Он вышел, оставив Торшона стоять посреди тьмы, с ощущением, будто его уже прочитали — от первой до последней буквы.

— Ладно, — раздался из просвета двери резкий голос Борка. — Слышите оба: берёте своих — и за лавку, в задний сарай. Сложите там, чтобы не мешались. Пол до блеска, кровь — убрать начисто. Без моего приказа отсюда ни шагу. Кузнечики на чеку.

Он ещё раз провёл взглядом по ним обоим, особенно задержавшись на Торшоне, словно искал невидимую нить, тянущуюся дальше этого базара и свалок Нижнего города.

— Всё понятно? За дело. Дальше посмотрим, что вас ждёт, — добавил он уже вполголоса и медленно ушёл в глубину лавки, оставляя их под надзором десятков янтарных механических глаз.

Глава 10 Неожиданная встреча

Серое мутное утро застало Тита и Ходера в классе школы на границе Среднего и Нижнего города. Ночь, проведённая над рассыпавшейся Криптулитой, вымотала их до предела. Наскоро подкрепившись сотворённым завтраком и уложив обломки артефакта в сумку, друзья двинулись к дому Борка, не подозревая о том, что случилось на Нижнем базаре.

Узкие переулки, разномастные фасады, где местами пробивалась робкая зелень, не скрывали общую грубоватость и утилитарность жизни, но по сравнению с мраком внизу — здесь было весьма респектабельное жильё. Дом Борка был прижат к старой более высокой постройке, на нём рос мох и вился плющ, а дверь — тяжёлая, обитая железом — обычно накрепко была заперта до полудня. Сегодня же она мигом распахнулась настежь, как только в неё постучали.

Им открыл подмастерье — худой, нескладный подросток в кожаном фартуке, с лицом в веснушках и маленькими глазками, блестящими, как две начищенные монетки. Он сразу стал много говорить — будто с опаской, но с явной жадой рассказать всё, что знает:

— Борк ушёл утром — это совсем не про него, господа! Обычно он до обеда ворчит у самовара... Но сегодня на рассвете из трубы коммуникатора выкатился красный шар тревоги. Он так и подпрыгнул прямо ко мне в руки. Вы не думайте, я не специально у коммуникатора оказался, я просто... А потом он куда-то впопыхах выскользнул, даже нижний жилет не надел. Я клянусь, это неспроста! Из него обычно слова не вытянешь, а сегодня ещё и шёпотом ругался. Наверное, что-то такое, того-этого... не то в шарике прилетело...

— Вот ты болтать-то любишь, — прокомментировал его слова Ходер. Через блокатор они прозвучали слишком грозно, хотя он пошутил.

— Ты знаешь, куда он пошёл? — поинтересовался Тит.

— Нет, только с порога... говорил про лавку на базаре, но обычно он туда не так рано. Я ведь сам... э-э-э... если что, я не подслушивал, — подмастерье нервно спотыкался, размахивая руками. — Но вы сами посмотрите — тут теперь часто ходят всякие странные господа! Даже с официальной почтой... Хотя если честно, я сам не понимаю, как мы тут с ним существуем. Он же Молчун, а я... сами видите.

Тит и Ходер переглянулись: времени терять было нельзя. Оставив болтливого мальчишку на пороге, они поспешили к лавке в Нижний город.

Когда они подошли ближе, сначала показалось, что лавка закрыта: витрина в ставнях, прилавок убран. Но потом они заметили, что створка двери была чуть приоткрыта, внутри царил густой полумрак. В воздухе висел привычный стрёкот кузнечиков — но неправильный: слишком частый, что-то было неладно. В лавке они нашли трех человек: самого Молчуна, угрюмо сидящего у кассы и перебирающего в руках крошечные детали; на полу с тряпкой в руках — широкоплечего юношу с длинной стриженной накосом челкой — Стирка, главаря местной банды подростков, и того самого Торшона, мальчишку, что позавчера вечером пытался вытащить у Тита золотую коробочку. Тит и Ходер жестами приветствовали хозяина:

— Вот так встреча, — тихо сказал Тит, остановившись в дверях и окинув взглядом всех в лавке, но почему-то останавливая свой взгляд на мелком, мокром, запачканном кровью и пылью белокрылом пареньке, стоящем на четвереньках на полу.

Тот стоял, не поднимая головы от кровавых луж, под пристальным взглядом Тита. Стирк замер с тряпкой в руке, не решаясь продолжить работу. Но Борк был не из тех, кто терялся при виде творцов словом, он первым нарушил молчание, ответив на приветствие, вскинул тяжёлую руку, указывая на своих пленников, которые были заняты уборкой кровавых луж на полу, и проворчал, глядя куда-то в сторону:

— Странно, что мальчишку кузнечики не разорвали. Другим повезло куда меньше. Этому, — он ткнул в Стирка пальцем, — повезло из-за его железных цапок. А со вторым... — вопрос?

Тит пристально посмотрел на Торшона, которого явно узнал, и произнёс:

— Опять ты?.. Решил заняться настоящим делом вместо моих уроков?

Торш, переминаясь с ноги на ногу, с трудом поднял глаза на Тита — в его лице смешались обида и упрямство.

— Сам выбираю, где быть, — процедил он сквозь зубы.

Тит посмотрел на него с жалостью, но без осуждения:

— Ой ли? Точно сам?

— Наверное, ты не знаешь Лока? Он всегда умеет помочь с выбором... умел помочь, — начал Торшон с вызовом, но как-то быстро осёкся, вспомнив, что Лок теперь лежит в сарае за домом совсем не живой.

Тит всё понял, но не собирался говорить лишнего, — перевёл взгляд на Борка, чуть понизив голос:

— Пойдём, выйдем на пару слов.

Тит коротко взглянул на Ходера, развернулся и первым вышел на улицу, давая Борку знак следовать за ним. Тот встал и медленно пошёл к выходу, проходя мимо подростков, копошащихся на полу, обратился к Ходеру:

— Ходер, присмотри здесь, пожалуйста. Я быстро.

В узком внутреннем дворе выщербленную брусчатку густо покрывал мох, на котором виднелись бурые следы крови — они вели к двери сарая. Борк остановился у стены, прислонился плечом, загремел ключами.

— В сарае ещё трое, показать?

Тит пожал плечами, коротко взглянув на мутные окна сарая:

— Не стоит, пожалуй... Что с них проку.

— Пожалуй, что и нет... Да и двое живых молчат, — начал неуверенно Борк. — Не пытаться же их, как принято на свалке?

— Уж не знаю. Смотря что они скрывают.

— Я нашёл у мелкого вот это: — с этими словами Борк протянул Титу его записку с красивой печатью. — Если б не знал тебя хорошо, подумал бы что их подослал ты.

— Да... это я дал, позавчера, после того, как мы к тебе зашли, он у меня контейнер пытался стащить из кармана. Ну, я подумал... мне показалось, что можно ему помочь, вот я и дал приглашение в школу. Теперь кажется, что это не просто странное совпадение.

— Возможно.

— Так ты понял, зачем они забрались к тебе? — перевёл разговор Тит на другую тему.

— Думаю, за тем, что я отдал тебе накануне.

— Да... Мы как раз пришли по этому поводу, — как будто немного стесняясь, произнёс Титорам. — Понимаешь, мы были недостаточно осторожны с «Криптулитой»... В общем, она рассыпалась.

— Это плохо, очень плохо, — проговорил Борк после довольно долгой паузы и такого же долгого взгляда, — мне принесли её вместе со сломанной корзиной, чтоб починил. Плёвое дело, если одна из частей цела, а вот если сломаны и корзинка, и улитка... то плохо. Как сломали-то? Ведь у вас и ключ был, и инструкция...

Тит только сжал губы и посмотрел на залитый кровью камень под ногами, словно искал что-то. Ну не мог же он сказать Борку, человеку из более низкой касты, что его друг, которого с детства приучали к жесточайшей дисциплине, проявил элементарную несдержанность.

— Ты сам не любишь пустые разговоры. Что делать будем? Может, я могу что-то сотворить голосом вместо её корзины или приказать ей собраться? Я не стал без тебя ничего предпринимать: ведь «Криптулита» сделана не нашей магией.

Борк нахмурился, покачал головой и тихо пробормотал:

— Ну, не без вашей, скажем честно, но и наш клан инженеров приложил руку к созданию надёжных хранилищ информации.

— Куда уж надёжней, ничего не скажешь, — процедил Тит сквозь зубы — так тихо, что через блокатор творения, казалось, и расслышать было невозможно. Но Борк резко повернул голову и посмотрел на него пристально и почти вызывающе:

— Титорама Амбусто Тидра Ти, Вы, кажется, проявляете недовольство нашим искусством? Ведь защита информации сработала прекрасно, не так ли?

Тит опустил голову, не отводя глаз от крови, расплывшейся по камню.

— У меня есть некоторые контакты, пары мастеров, которые умеют чинить подобные артефакты, — без «домика». Такая работа требует терпения и аккуратности. Но ты даже не представляешь, сколько времени обычно уходит... — добавил Борк, смягчившись.

— Времени мало... Каждая ошибка может стоить жизни Мзии.

— Поэтому я говорю, что мне без помощников не справиться.

— Понимаю, — тихо ответил Тит, — начнём с малых шагов. Главное — вернуть «Криптулиту» к жизни. Но, возможно, есть другой более быстрый путь, вчера Ходер нашёл с помощью "нашей магии", — Тит выделил голосом выражение "нашей магии", — способ быстро выбрать все пазлы связанные с Мзией, они у меня в отдельном кармане сумки, но вот всё что связано с магией крикунов, место где её держат, коды от замков, я не знаю как это быстро найти.

— Подумаем, как сделать это максимально оперативно. — Борк пристально посмотрел на Тита. — Нам нужно понять, кто именно играет против нас и дал команду Стирку напасть на мою лавку. Может, тогда станет яснее, какие пазлы искать.

— Так что будем делать?

— Пойдём обратно внутрь. Стирк точно знает, кто заказчик. Нам нужно разговорить его — осторожно, но без лишних угроз: он, хоть и молод, но опытен, чтобы сразу расколоться.

— Тогда не медли, — Борк подошёл к двери и покосился на своих пленников сквозь полумрак. — Я помогу, как смогу. Но знай: если Стирк замкнётся, понадобится время. А времени у нас, похоже, совсем нет.

Они вдвоём вошли в лавку, готовясь к непростому разговору, который мог перевернуть расстановку сил или ввергнуть их в ещё большую опасность. Но другого пути просто не было.

Допрашивали пленников по одному, заводя в тесную кладовку.

— Ты, наверное, уже понял, что остался в живых благодаря мне? — спросил Тит, обращаясь к Торшону. — Не хочешь отблагодарить меня за жизнь, которая при таких делах, возможно, недолго продлится?

— Говори, кто заказал ограбление лавки!

— Я честно ничего не знаю. Вчера не смог принести ничего в общак, и Лок велел отработывать. Я на дверях должен был постоять — и всё.

— По дороге ничего не слышал? Может, Лок называл какие-нибудь имена?

— Кажется... говорил, что заказ поступил от кого-то из верхних, и дело плёвое, говорил, только не понятно зачем верхним грабить лавку с игрушками на нижнем базаре. А оно вона какие игрушки оказались, — и Торш провёл по длинной тонкой ранке на руке.

— Ну, а Стирк может знать кто заказчик?

— Наверняка знает, Лок под ним ходил. — Торшон опустил голову, и больше не стал ничего говорить — да и не знал что сказать, мысли путались слишком сильным оказался страх прошедшей ночи, когда механическая охрана лавки разобралась с чужаками жестче любого человека.

Стирка допрашивали следом. Он стоял с виду спокойно, но пальцы его нервно перебирали шнурок на шагреновой куртке. Борк опёрся о притолоку, скупым жестом показал, чтобы Тит отошёл подальше. Молчание тянулось слишком долго.

— Ну что, — задумчиво протянул Борк, — как думаешь, много ли у тебя осталось времени при твоём упрямстве? Машина за трупами уже едет, могу добавить ей четвёртый.

Стирк скосил глаза на Тита, потом снова на Борка. Голос его дрогнул впервые:

— Про моё время только Ткань Вселенной знает, — выдавил Стирк, искоса упрямо глядя на Борка.

Тит подошёл ближе, загородив свет:

— Да ты философ! Что же Ткань довела тебя до такой жизни?

— Какой такой? Не все рождаются в Верхнем городе с золотой ложкой во рту. Живём как можем.

— Ну, люди из Верхнего города платят за хорошую жизнь дисциплиной, постоянными тренировками и добродетельным поведением, среди нас нет преступников.

— Да ладно! А заказик-то, на ограбление от ваших прилетел!

— Врёшь! Назови фамилию! — Тит повысил голос, что было для него не слишком характерно.

— Ага, назови, а потом что? Против ваших переть — что против ветра писать... Завтра мне и конец.

— Мои кузнечики сделают это сегодня, — тихо заметил Борк, порывисто сжав ладонь Стирка.

В этот момент что-то в лице Стирка дрогнуло, но он старался держаться.

— Говори, — добавил Тит. — Пока мы ещё готовы договариваться по-хорошему.

Стирк долго молчал, затем выдавил:

— Просили добыть игрушечную улитку, я ещё удивился, зачем верхним дурацкие игрушки, они же и так могут... — Стирк замялся, но продолжил: — Я слышал... Из чужих разговоров! От тех, кто передавал заказ, мелькали фамилии — что-то вроде Суарэ Нифуджви... или Харика... я не сильно разбираюсь в ваших именах, уж больно они заковыристые у вас.

Тит с Борком переглянулись.

— Суарэ? Нифуджви? — переспросил Титорам. — Это же уровень высшей аристократии. Быть того не может.

— Канешна, вы из другого теста сделаны, — съёрничал Стирк.

Борк хмыкнул с мрачным одобрением:

— Да. Тёмные дела любым кастам бывают на руку.

Тит посмотрел на Борка и ответил порывисто и резко:

— Борк, ты, конечно, старше и мудрее, но неужели ты веришь этому...

Борк посмотрел Титу прямо в глаза, выдержал паузу, прежде чем ответить, в голосе прозвучала усталая ирония:

— Я давно знаю, что верить тут — последнее дело. Но если такие фамилии всплывают, значит, это не просто так. Верхние тоже не брезгают чужими руками делать чёрные дела. А Стирк не того полёта птица, чтобы додуматься подставить кого-то из ваших — откуда он вообще мог знать эти имена?

Он перевёл пристальный взгляд на пленника и добавил жёстче:

— Просто теперь будем проверять его слова. И не думай: просто так он не отделается, если облил грязью благородное семейство. Я всё же из касты Охранителей, и Стирк теперь об этом знает. Да ведь, Стирк? — он выдержал паузу. — И будет молчать об этом, правда, Стирк?

Стирк опустил глаза и обмяк, как игрушка, у которой кончился завод.

— Будет. Ему же лучше, — закончил Борк разговор.

Когда они вывели Стирка из кладовки, к лавке с грохотом подъехала утилизационная машина.

Тит и Ходер не стали дожидаться, когда она начнёт свою неприятную трапезу, и отправились в Верхний город — по домам.

После того как Борк открыл ворота, громоздкая, тяжёлая машина, на вид напоминающая одновременно и передвижной пресс, и длинный гудящий чан, медленно закатилась во двор под аккомпанемент низкого металлического гудка и воплей зевак на рыночной площади. Корпус её, усыпанный ржавыми заклёпками, был выкрашен в тускло-зелёный цвет, боковые стороны покрыты старыми листами-метками из табуляторов, прикреплёнными сверху.

На одном конце — широкая стальная воронка с выдающимся наружу захватом-крюком: сюда бросают трупы, не различая, особенно кто стал сырьём. Спереди — пульт управления, реагирующий только на руку своего оператора из касты Утилизаторов — их специально обучали обращению с этой техникой.

Внутри устройства скрывается бесшумный, но мощный конвейер, оснащённый роторами молотилок и дробилок. Тела попадают сначала в режущий блок, где их перемалывают до состояния однообразной массы, после — в секцию химического разложения, где под давлением паров и кислот органика распадается до безликого компоста.

Во время процесса из труб на крыше, похожей из-за них на орган, вместо музыки обильно вырывался пар с тяжёлым сладковато-гнилым запахом: по этому признаку даже дети знали, что во дворе работает утилизационная машина, и лишний раз к ней лучше не приближаться.

Машина подкатила прямо к сараю. Её дверь со скрежетом открылась — и Стирк с Торшоном, под надзором операторов, вынуждены были по одному затаскивать тела убитых в огромную воронку. Ворота не запирали, так как огромная машина с трудом поместилась на заднем дворе лавки, поэтому в них торчали любопытные зеваки. Как бы ни были заняты Торшон и Стирк, они не могли не заметить в толпе одно очень неприятное знакомое лицо. Это был Гронт — именно через него они вчера получили заказ на ограбление лавки Борка.

Глава 11 Выгодная партия

Утром Средний город был особенно невыносимо ярок для тех, кто не спал всю ночь. Тит и Ходер оставили разобранную на пазлы Криптулиту на попечение Борка — если хоть у кого-то хватит ума оживить разрушенный артефакт, то только у него. Перед уходом Тит долго смотрел на стол, где теперь лежали две кучки разноформатных кусочков, одна маленькая — всё что точно связано с Мзией, и огромная куча перепутанных сведений, в которой предстояло найти недостающую информацию. Коротко простившись с Борком, друзья побрели в Верхний город. Ходер молча провожал его до дома, но у ворот своей виллы Тит остановился.

— Давай прощаться. Дальше я пойду один, — проговорил он, впервые за долгое время их пути снизу.

— Удачи... И постарайся хоть немного поспать, — сказал Ходер, протягивая другу руку.

— Если дадут, — в голосе звучала досада, от предчувствия предстоящих дома разборок.

Они простились, и Тит шагнул в тенистый садик, ведущий к дому. Там его уже ждали. В просторном холле прохлада утра казалась особенно явственной. Вышла мать — элегантная и восхитительно прекрасная, как всегда, но с холодным, отстранённым выражением лица. Значительно более сухо, чем обычно, приветствовала Тита и тоном, исключавшим любые возражения, сообщила, что отец срочно ждёт его наверху.

Кабинет Амбусто Тидра Титорама Ди находился на верхнем ярусе виллы, из окон были видны верхушки деревьев и дальние кварталы высотных домов в центре города, отражённые в плавных поверхностях стен. С первого взгляда пространство казалось аскетичным: длинный отполированный полумесяц рабочего стола из светящейся снизу белой, похожей на стекло массы, встроенные шкафы с древними книгами и артефактами рода, один стул для посетителя — точно напротив хозяина.

Главная особенность кабинета была сокрыта в его конструкции: внутри стен и пола были вшиты блокирующие творение спирали. Здесь ни одно слово не могло стать материей, превращаясь в мимолётный, тусклый поток света, тут же исчезающий из реальности. Поэтому в кабинете можно было свободно разговаривать, не нарушая чистоту мира Элегмы.

Свет перемещался по воле хозяина, без видимых с его стороны усилий, лишая собеседника всякой иллюзии безопасности, если вдруг был направлен прямо ему в лицо. Освещение кабинета было личным творением и гордостью отца Тита.

Всякий вошедший чувствовал невидимое давление: пространство словно просвечивало насквозь, обнажая помыслы и не оставляя места для лжи.

За огромным письменным столом-полумесяцем, за которым, казалось, можно обсуждать судьбу целой Вселенной, сидел отец Тита: Амбусто Тидра Титорам Ди — аристократ одного из самых видных и древних родов Верхнего города.

Его фигура, лишённая избыточной полноты, несла в себе сдержанную силу: широкие плечи под тёмной, безупречно сидящей одеждой казались почти монументальными. Лицо было строгим, как на старых портретах, — прямой породистый нос, высокий лоб, подстриженная седая борода, спокойные глаза холодного серо-зелёного оттенка. На пальце правой руки — перстень с гербом рода. У кресла стоял его тоннельный шест-щуп: тонкое тёмное древко, у наверху — цилиндрическая рукоять и бронзовый узел с встроенными светильниками; тонкие провода тянулись от узла вдоль древка к стальному наконечнику. Не опора и не украшение: в тоннелях этим шестом отталкиваются от стен при полёте на доске. Голос Амбусто редко срывался на громкость, но звучал чётко и весомо. Каждое его слово в Совете обретало форму: могло стать приказом, законом или невидимой угрозой. Каждый жест оставался выверенным и экономичным, мимика не выдавала эмоций.

Он даже не поднял головы, когда сын вошёл. Только чуть заметно двинул пальцем: знак — подходи ближе.

— Не ожидал увидеть тебя в таком виде, — прозвучал голос отца. Каждый слог был безупречен, чуть глуховат, но наполнен такой уверенностью, что любой посторонний счёл бы фразу обвинением, хотя сказано было почти спокойно.

Тит стоял молча, ожидая продолжения.

— Хотел бы услышать, что ты скажешь в своё оправдание, — не меняя интонации произнёс Амбусто. — Молчание — тоже ответ, но он редко может быть воспринят как уважительный. Итак?

В этот момент мать Тита Мэлзия появилась в дверях, строгая и тревожная, — но даже её присутствие не могло ослабить холодного невидимого нажима, который распространяла сама фигура Амбусто.

— Вчерашний поступок, — продолжил отец, не поднимая взгляда, — не только нарушает традиции гостеприимства. Он позорит семью и ставит под угрозу деловую репутацию клана. Высказываться о твоих чувствах я не стану, но жду объяснения: ради чего ты посчитал возможным пренебречь долгом? Нзиза не заслужила такого отношения с твоей стороны.

Тит почувствовал внутри необъяснимую тяжесть, которая всегда появлялась, когда разговор переходил на тему женитьбы и всего такого, что было связано с долгом чести, обязанностями аристократа и прочим официозом.

— Я не понимаю, что я сделал не так? Чем я обидел Нзизу?

— Не придуривайся! Нзиза, которую неделю не может застать тебя дома. Вчера она специально встала ни свет ни заря, чтобы повидать тебя, а ты сбежал.

— Я вчера утром, как всегда пошёл в Академию... Я не знал, что она пришла.

— Служанка всё рассказала. Терпеть не могу, когда ты врёшь, — гневно отрезал отец.

— Сегодня где ты был всю ночь?

— Я... — голос его предательски охрип, но он заставил себя говорить дальше. — Мне нужно было разобраться кое с чем... серьёзным. Это связано с последними событиями, о которых ты знаешь.

Амбусто поднял глаза — взгляд его был тяжёлым, но при последних словах сына явно стал тревожным.

— Я знаю о событиях, которые касаются клана Хор Дер Га. Но не стоит творить того, что творишь ты, рискуя не только собой, но и всем, что создано нашим родом.

Амбусто поднялся из-за стола, его движения были точны, как ход механизма — не спеша, но предельно выразительно, он подошёл ближе, чтобы не приходилось повышать голос:

— Сын мой, твои дела настораживают не меня одного. Когда наследник исчезает на целую ночь, когда в доме ходят слухи, и за воротами появляются вопросы, всё — даже случайное — трактуется как бунтарство. Мы не одни в этом городе, и роскошь думать только о себе давно перестала быть привилегией нашей касты. У нас и без тебя хватает странных родственников.

Он остановился перед Титом, глядя на него сверху вниз, и в этой позе чувствовался весь накопленный опыт публичных и тайных переговоров, подспудных войн и интриг клана за место в Совете.

— Если ты был втянут во что-то опасное, я должен знать. Не для того, чтобы карать, но чтобы защитить свою семью — и тебя в том числе. Ты, возможно, недооцениваешь последствий своей ошибки...

Мэлзия тихо встала с порога, но её голос прозвучал неожиданно ясно:

— Ты мог бы сказать правду, если чего-то опасешься. Мы твои самые близкие люди и готовы помочь тебе во всём.

Амбусто едва заметно склонил голову, давая понять, что теперь ждёт настоящего объяснения — не только для себя, но и для матери Тита. В комнате стояла та тишина, которую невозможно нарушить ничем, кроме слов истины.

— Я помогал Ходеру в поисках Мзии, поэтому не ночевал дома. Страшно устал и теперь хочу спать.

— Зачем вы лезете в это дело? Идёт официальное расследование, вы можете только навредить!

— Отец, я просто хочу помочь другу, он не знает Нижнего города, он без меня пропадёт! Я делаю это из чувства дружбы к нему и к Мзии.

— Подумай, Тит, что будет, если каждый начнёт ставить свои чувства и свои желания выше тех, кто стоит рядом, посмотри на мою сестру, Канзию, кем она стала в результате её отношения к нашим законам? Ни мужа, ни детей, ни положения в обществе, одни странные фантазии.

— Ну ребёнок у неё, положим, есть, — вставил Тит.

— Незаконный ребёнок, он никогда не станет членом нашей касты! Его для меня как бы вообще нет, как и его вымышленного отца — ответил Амбусто, повысив голос вновь.

Он помолчал, затем чуть медленнее добавил, теперь уже без угрозы, с оттенком едва заметной усталости:

— Тит, я не хочу для тебя ни судьбы Канзии, ни судьбы Иста, хотя не мешаю тебе ходить к нему.

Наступила тишина. Только когда отец вновь наклонился к столу, Тит понял, что разговор, в сущности, окончен — по крайней мере в этой тональности. Он поклонился и вышел из кабинета, не обращая внимания на то, что родители продолжили обсуждать его помолвку с Нзизой. Он очень хотел спать.

Он добрался до своей комнаты почти на ощупь, велел затемниться окну — утренний свет раздражал — и рухнул на постель не раздеваясь. Сон пришёл сразу — бездонный, как провал в тёмную воду.

Тит спал тяжело, если это вообще можно было назвать сном. Его сознание плутало где-то между короткими эпизодами тревожной дремоты и внезапными вспышками воспоминаний: скрежет ломающихся лент, разлетающиеся осколки, перекошенное лицо Стирка, хмурый Борк, который собирал гигантского жука с прозрачной спиной и кучей шестерёнок внутри и, наконец, он видел отца, который стоял под венцом с какой-то женщиной, когда она повернулась и посмотрела на Тита, он понял, что это не мать, а Нзиза. Ему стало неприятно до тошноты и он проснулся, но глаза открывать не стал.

В какой-то миг среди затянувшейся полудрёмы Тит ощутил чьё-то неприятное присутствие рядом. Поначалу он списал тяжесть на дневной сон — но затем открыл глаза и увидел тонкое лицо, обрамлённое величественным головным убором, переливающимся миллиардом драгоценных камней, а чуть ниже — сложенные на коленях ладони в идеальном жесте приветствия. Затемнение, поставленное им ещё на рассвете, с окна сошло: комнату наполнял мягкий вечерний свет, и в нём камни её убора играли тысячами искр. Она растемнила окна сама, едва войдя, — чтобы свет разбудил его и чтобы первым, что он увидит, открыв глаза, была она во всём блеске. Но свет не разбудил, и она села у постели ждать.

— Добрый вечер, — с трудом выдавил он хрипло: рот пересох, мысли путались.

— Простишь за вторжение? — в голосе Нзизы звучала мягкая неуверенность, тщательно выученная для подобных случаев. — Твои родители сказали, что ты неважно себя чувствуешь. Я решила тебя навестить.

Тит попытался сесть, но тут же ощутил, как его внутренности сжимаются в тугой комок. Оставшись на подушках, он ради приличия прижал ладонь к груди в приветственном жесте.

Нзиза говорила тихо, плавно — каждое слово будто заранее взвесили и обточили: ни осколка, ни занозы, ни заусенца. Впрочем, именно это и раздражало Тита больше всего: эти безукоризненные манеры, неумолимый лоск, за которым — ни одного живого порыва.

— Я принесла тебе один напиток, — продолжала она, вынимая из аккуратного футляра изящный сосуд с чем-то прозрачным. — Говорят, помогает от усталости и дурных снов.

Он вежливо взял флакон, чувствуя, как где-то в груди ползёт холодок неприязни: от чужого прикосновения, от приторной заботы, от самой мысли, что к нему вот так, без его воли, впускают в комнату человека — чужого и, кажется, опасного.

Слова Стирка вдруг всплыли в его памяти — сначала глухим эхом, потом всё чётче и настойчивее: «...Мелькали фамилии — что-то вроде Суарэ... или Нифуджви...»

Нзиза сидела рядом — её одеяние, головной убор и гладкое лицо сливались в единый узор: сложный, искусный и прекрасный, но опасный — как окраска ядовитого насекомого.

«Может быть, она совершенно не причастна», — мелькнула мысль. — «Нельзя обвинять девушку в страшном преступлении просто потому, что она страстно хочет за тебя замуж», — мысленно укорил себя Тит.

— Ты выглядишь так, будто тебе и правда нужен отдых, — негромко произнесла Нзиза и картинно слегка склонила голову, подперев ладонями подбородок.

— Но позволь я останусь ещё немного?

Тит удивился себе, как легко соскочили с языка слова:

— Как скажешь...

Согласившись, на самом деле он решил попытаться выпросить у неё, не знает ли она чего об ограблении лавки Борка. Он заставил себя улыбнуться, сделал вид, что расслабился, и, облокотившись на подушку, спросил с ленивой небрежностью:

— О чём будем говорить?

— Я хотела бы узнать, как у тебя в Академии, — тон её был лёгким, даже слишком, чтобы звучать искренне. — Мне бы очень хотелось быть... ближе с тобой.

— Всё как обычно, — ответил он, невольно отстраняясь от неё.

— Много работы, лекции, семинары, практические занятия. В Академии всегда хватает дел.

Она продолжила выспрашивать о разном: о тех, кто бывает в доме, о друзьях, о том, что слышно про «верхние дела» от его отца, практически не давая Титу ни единого шанса вставить хоть что-то о том, что интересовало его. Каждый новый вопрос был выверен так, чтобы казаться заботой, хотя на деле это была формальность, за которой легко угадывалось любопытство, а не симпатия.

— А у тебя какие новости? — мягко спросила она, почти не меняя интонации. — Родители говорят, что ты подолгу не бываешь дома. Я беспокоюсь — вдруг у тебя появились... какие-то опасные знакомства? Может быть, тебе требуется помощь или совет?

Тит коротко усмехнулся:

— Нет, всё спокойно. Обычные занятия, пара встреч с друзьями. Никаких особенных событий, — ответил он с тем самым ровным спокойствием, за которым пряталась холодная отчуждённость.

Нзиза смотрела на него в упор:

— Хорошо, просто... Я надеюсь, ты знаешь, что всегда можешь довериться мне. Особенно если... если что-то случится.

Титу наконец удалось вставить вопрос на интересующую его тему. Он постарался сделать это с максимально нейтральной интонацией.

— Кстати, а ты знаешь, что в городе только и говорят о происшествии на Нижнем рынке? Лавку с игрушками зачем-то пытались ограбить... Ты ничего не слышала?

Нзиза чуть заметно поморщилась, как от дурного запаха. В её взгляде промелькнула та самая холодная, едва завуалированная скука, смешанная с пренебрежением, какую можно увидеть только на лицах тех, кто привык считать себя выше всех в мире.

— Мне не интересно, что происходит внизу, — произнесла она тягуче, чуть растягивая слова, словно демонстрируя хозяину, сколько у неё терпения, чтобы вообще поддерживать разговор на столь низкую тему. — Всё, что происходит в Нижнем городе, пусть там и остаётся. Это не более чем пыль — совсем не то, на что стоит обращать внимание. Ты ведь не представляешь, сколько вранья распространяют эти люди. Не стоит даже пытаться что-то понять в их бесконечных мелких дрязгах.

— Жаль, — отозвался он, старательно сохраняя равнодушный тон. — Просто в Академии сегодня все обсуждали, что кто-то из верхних мог быть к этому причастен. Очень громкая история для грязи, как ты выражаешься...

На миг он заметил, как по её лицу прошла почти невидимая тень — мимолётная, неуверенная, но тут же исчезла под прежним изяществом.

— Академические сплетни — тоже не самый надёжный источник, — в этот раз голос её звучал жёстче. — Мне жаль, если ты засоряешь свой ум подобной чепухой.

Тит опустил глаза, чтобы скрыть раздражение. Он вдруг ясно ощутил: она точно каким-то образом причастна к тёмной истории с ограблением лавки, а, возможно, и с похищением Мзии, а всё это напускное безразличие — лишь ширма.

«Да нет, бред какой-то. Просто она тебе не нравится», — одёрнул себя Тит.

Она чуть коснулась головного убора — и Тит почувствовал фальшь: в каждом жесте, во всей её утончённой позе. Она не просто скрывала. Она защищала то, что знала. Но поверить своим ощущениям и представить, что девушка из высшего общества может иметь какое-то касательство к делам в Нижнем городе, он не мог.

Тем временем взгляд Нзизы скользил по штормам, по графину на столике, по его рукам, пусть и вежливо, но слишком внимательно, как у опытной наблюдательницы. Она не была просто гостьей — она была в своём праве, здесь и сейчас, и эта царственная поза, и этот фрактальный, завораживающий узор на её облегающем платье, созданный ей специально чтобы произвести на него впечатление, напомнил Титу: они из разных миров даже внутри одной касты. Несмотря ни на какие её ухищрения, им никогда не сблизиться.

Он снова промолчал, не зная, как корректно выставить её из комнаты, и не проявить при этом открытого раздражения.

— Ладно, не бери в голову, я так разговор поддержать, — и попросил настойчивее. — Нзиза, мне бы хотелось немного поспать. Вчера и правда был утомительный день, я почти не спал ночью.

Тонкая улыбка Нзизы стала чуть грустнее, но не менее идеальной:

— Я понимаю. Я навещу тебя позже.

Она поднялась с безупречной грацией и легко скользнула к двери, оставляя Тита в тяжёлых раздумьях. Вдруг не только кто-то из её семьи, но и она сама причастна к злоключениям Мзии, его милой Мзии. Он почти испугался, когда мысленно назвал её милой, но тут же нашёл себе оправдание: — По сравнению с этой заучкой, конечно, Мзия очень милая девушка.

Всё, что он хотел сейчас — тишины и одиночества. Но где уж там...

Вошла мать и стала расспрашивать, как он поговорил с Нзизой.

— Не стоило беспокоиться из-за меня, — пробормотал он, не поднимая взгляда. Помолчал, потом резко взял мать за руку и почти с мольбой в голосе сказал: — Мама! Пусть она никогда больше не приходит.

— Ты избегаешь судьбы, которую выбрал для тебя Дом, — слова Мэлзии прозвучали ровно, почти глухо, несмотря на природную насыщенность её голоса. — Мало кто страдает от

избытка благословения, Титорам, у тебя есть всё, что человек может желать в этой жизни. Вы с ней красивая пара.

Он посмотрел на мать: глаза строгие, никакого понимания или сочувствия. Тит попытался возразить, но был вынужден молчать — сейчас любые доводы звучали бы бессмысленно.

— Ты пренебрегаешь союзом, который поможет укрепиться нашему Дому. Семья Нзизы стоит выше, чем наша, ты должен гордиться тем, что девушка из дома Суарэ пожелала стать твоей женой! Это она делает тебе честь и одолжение.

Тит сжал руки за спиной. Грудь сдавило, и каждый вдох давался с трудом.

— Я не готов к браку, ни с ней, ни с какой-либо другой достойной девушкой, — голос Титорама звучал теперь жёстко и непреклонно.

— Если ты не готов — тебе придётся объясняться не со мной, а с отцом, я хотела донести до тебя, что решение уже принято максимально мягко. Но... — мать махнула рукой и вышла из комнаты. Титу показалось, что она вышла так поспешно, чтобы не расплакаться.

«Да, они беспокоятся, чтобы клан не потерял выгодную партию», — для Тита это было ясно, как день.

Глава 12 Канзия

Поздним вечером того же дня, когда Нзиза вторглась в его покои, Титорама собрался навестить свою тётку Канзию, но ему пришлось дожидаться поздней ночи, чтобы в доме все улеглись спать. Он летел в горы по тоннелю, проложенному в незапамятные времена, изредка, ради развлечения высекая искры, касаясь поверхности шестом-щупом. Полёт не принес облегчения: слова, которые он так и не решился бросить в лицо отцу, теперь тяжёлым грузом висели на душе, не давая покоя. Мысли о женитьбе стучали в висках, как сбившийся с ритма метроном: ни отказаться открыто, ни подчиниться беспрекословно он не мог.

Ходер, лучший друг, но он не поймёт, как можно не желать такую девушку, как Нзиза, Титорама иногда казалось, что Ходер тайно влюблён в неё. К Исту идти — бессмысленно, Ист, как всегда, парит где-то в недостижимой простом смертным высоте, и Титорама был уверен: его не стоит беспокоить земными тревогами. С Борком вообще не поговорить нормально, он вчера утром выполнил три месячных нормы по разговорам. Оставалась Канзия — тётка Тита, сестра отца. „Единственная в нашей семье, кто умеет слушать, несмотря на её странности“, — думал Тит, подлетая на рассвете к её вилле. Ей он мог решиться доверить то, в чём страшно признаться даже самому себе: он не хочет устраивать пошатнувшиеся дела своей семьи. Почему я? Почему за мой счёт наш Дом должен укрепить свои позиции в обществе — и что это вообще за общество такое? — Тит негодовал, в глубине души он терпеть не мог всё это неискреннее, зажатое рамками обычаев и правил, чванливое и холодное окружение из Верхнего города. Он намного уютнее чувствовал себя в обществе Борка и его товарищей из фракции Инженеров касты Охранителей, с ними было реально интересно, несмотря на то, что они были лишены дара творения словом.

Тётка была художницей и жила за городом, на вилле у самой кромки холмов, откуда открывался вид на погребальные пирамиды; по общему мнению, была странной дамой. Но Тит втайне от отца с удовольствием общался с ней в те редкие дни, когда удавалось вырваться. О Канзии в семье говорили только шёпотом — словно она была воспалённым отростком, возникшим не к месту и, быть может, опасным. В лучшем случае — досадной, неуклюжей тупиковой ветвью семейного древа, в худшем — нарушительницей законов и правил, на которых держалась вся каста Совершенных.

Она никогда не была замужем, но ребёнок у неё имелся, все думали, что она родила сына от случайной связи с кем-то из безголосых каст, тех, кто лишён дара творения, что безусловно осуждалось.

Она без остатка отдавалась творчеству, не страшась того, что далеко не каждый её замысел венчался успехом. Иногда начатое надоедало ей, и она заключала незаконченное творение в прозрачную капсулу-воздушный шар и запускала над крышей виллы. К моменту, когда Тит подлетал по тоннелю к тёткиному дому, всё пространство над стеклянными куполами было заполнено такими шарами. В каждой капсуле покоился крошечный мир — незаконченный замысел, слепок сна, случайный артефакт или настоящий шедевр.

Самым любимым местом Канзии была объёмная вытянутая капсула с мягкой сиреневой подсветкой внутри. Именно здесь, когда ночь накрывала Элегму, появлялся Олег — иногда через неделю, иногда спустя месяц. Почему и как это происходило, никто из них не понимал. Сначала они пытались искать закономерности, связывать его появление с фазой луны, с переменной погоды или стрессом, но спустя много лет отчаялись что-то объяснить.

Он никогда не задавался вопросом, насколько всё это реально, — и не удивлялся тому, что иногда, стоило закрыть глаза в его мире и заснуть, как он оказывался в этом, другом. Олег был, как говорят, рождён с золотой ложкой во рту, поэтому не был обременён делами, работой или какими-то иными заботами, кроме того, как развлечь себя. Там у него было много случай-

ных женщин, но ни одна по-настоящему не увлекала его, несмотря на то, что многие были бы очень даже «за» серьёзные отношения: ведь он был наследником большого состояния, красив, хотя и не отличался серьёзностью; назвать его глупцом тоже было нельзя.

Только во сне он встречал женщину своей мечты — не алчную охотницу, а близкую по духу и удивительную в умении менять свои экстравагантные образы со скоростью детского калейдоскопа. Иногда он даже уставал от смены нарядов и макияжа, которыми Канзия в его отсутствие не особенно злоупотребляла.

Только с ним она могла говорить свободно — ни о социальном долге, ни о правилах Совета, ни о бесконечных запретах на творение, расчистку и уничтожение артефактов.

Канзия знала, что её считают бездарной или сумасшедшей. О том, что мальчик — не плод случайной связи с безголосым, а результат чудесного смещения миров, она никому не рассказывала. Во-первых, кто бы ей поверил; во-вторых, она сама не до конца понимала, откуда появляется Олег.

— У тебя тут опять беспорядок, — ворчал Олег, когда ему надоедало лежать на полу среди её эскизов.

— Это не беспорядок, — отвечала Канзия, которую Олег упорно звал «Зиной». — Это всё вещи, которые ещё не знают, что им делать в этом мире.

Он не спорил. Просто сидел рядом, выбирал один из незавершённых эскизов — с городом, похожим на головоломку.

— О, это мне напоминает картины Эшера, я изучал историю искусств в Оксфорде.

Канзия не ответила, продолжая творить — она давно привыкла к его рассказам о другом мире и слушала их так же спокойно, как шум ветра за стенами капсулы. Она встречала его как нечто само собой разумеющееся: не удивлялась и не требовала объяснений. Олег не знал, в какой момент та загадочная сила, что отправляла его к любимой, вновь выкинет его обратно в лондонскую квартиру. Иногда Олег, просыпаясь на диване в своей квартире, чувствовал, как рука Канзии сжимает его пальцы настолько явственно, что он не мог поверить в первые минуты пробуждения, что это был сон. Самое удивительное, что такие сновидения про инопланетную женщину, как он считал, повторялись, и этот сериал был с ним уже не один год.

Тоннель закончился неожиданно, и Тит вылетел к горному склону, на котором располагалась вила Канзии. Прозрачные купола отражали высокое небо и почти не отбрасывали теней. Всё это место было будто создано для неспешных разговоров, которым легко затеряться среди горных вершин, не дойдя до посторонних ушей.

Титорама соскользнул с доски, аккуратно поставил её возле крыльца вместе с шестом-щупом и на секунду задержался, разглядывая светящиеся пузырьки-капсулы, парящие в небе — их заметно прибавилось с его последнего визита. Теперь надо только решиться заговорить о ненавистной женитьбе. Вдруг она подумает, что я мальчишка, трус — или ещё что похуже.

Несмотря на раннее утро, Канзия оказалась в одной из своих мастерских-капсул. Она работала стоя, полупогружённая в медитацию, творила очередной шедевр. Её рука, тонкая и длинная, с разрастающейся на ней фигуркой новой скульптуры, вдруг опустилась под тяжестью сотворённого — и Канзия очнулась. Это случилось как раз вовремя: она увидела, как Титорама шагнул на площадку у входа. Она открыла пазл в капсуле и весело помахала ему. Каждый визит любого человека был для неё неожиданным и радостным праздником, а уж тем более — если явился любимый племянник.

Канзия произнесла одно-единственное слово. Повинуясь ему, капсула мягко дрогнула и начала опускаться, будто невидимая ладонь бережно несла её к земле. Уже через минуту хозяйка легко прыгнула на траву, зажав за спиной кусочек свежесозданного драгоценного камня, и шагнула навстречу племяннику, не скрывая улыбки — искренней, чуть насмешливой, совсем не такой, как принято в их роду:

— Тит! Я так рада тебя видеть! Угадай, в какой руке?

Титорам, не удержавшись, тоже улыбнулся — всё напряжение, которое так долго сжимало его изнутри, мгновенно отступило. Он театрально поджал губу, наклонил голову набок — как будто был свидетелем защиты диссертации во фракции Инженеров.

— Хм... — протянул он, глядя в лукавые глаза Канзии. — Ты всегда была мастерицей прятать самым непредсказуемым образом! Но сегодня... — он медленно вытянул вперёд указательный палец, — думаю, это правая. Вот прямо сейчас вся Вселенная ставит на неё.

Канзия весело рассмеялась, вытянула вперёд правую руку и ловко вложила в ладонь Тита крошечный камень — полупрозрачный, странно светящийся, будто вобравший в себя каплю предзвездного неба.

— Угадал! — торжественно объявила она и подмигнула. — А этот камень я сотворила и заговорила лично — тебе на счастье. Теперь, раз уж ты попал в самую точку, у тебя нет выбора: обязан быть счастливым, племянник!

— Опять обязан?! — шутливо возмутился Тит.

— И не вздумай отдавать его кому-нибудь или прятать где попало. Это не просто мой дар — это ещё и обещание: клянусь, ты ещё узнаешь, что счастье бывает неожиданным. Особенно, когда совсем не ждёшь.

— Мне Олег пел такую песню из своего мира — «Любовь нечаянно нагрянет», — называется.

Канзия снова улыбнулась — озорно, тепло, как умела только она:

— Ну а теперь рассказывай: кого будем спасать на этот раз — тебя или весь наш благородный род от неминуемой семейной катастрофы?

Он улыбнулся и, глядя куда-то вбок, сказал тихо, почти по-детски:

— Видишь ли, тётя... Меня решили женить.

— В смысле решили? А ты? Кто решил? А ты сам — чего хочешь?

— На этот раз, боюсь, спасать придётся меня. Хотя, быть может, и весь Верхний город заодно, — усмехнулся он, но в голосе слышалась неуверенность. — Все вдруг почему-то решили, что пришло моё время жениться. Ну то есть не просто время — а единственный удобный случай для укрепления связей, объединения старых домов, спасения традиций, чего там ещё... Меня даже не спрашивают, нужно ли это мне — у них уже расписаны даты, закрыты вопросы жилья, титулов, гостей... А я... я ведь не хочу так.

Он поднял глаза на Канзию, стараясь не терять остатки храбрости, выдохнул самое главное.

— Вряд ли мне суждено быть счастливым с той, с которой рядом мне трудно даже дышать? — Он замолчал, вдруг испугавшись, что сказал слишком много, но рядом с Канзией впервые за последнее время ему стало чуть легче.

— Не поняла ничего. С кем дышать и куда трудно?

Тит, смущённо кашлянув, пояснил:

— Нзиза Суарэ, — произнёс он и опять принялся разглядывать траву под ногами, но где-то внутри уже становилось чуть легче: он знал — Канзия умеет не только слушать, но и сочувствовать по-настоящему.

— Давай, рассказывай подробно! Позавтракаем или сразу выговоришься? Решайся, Титорам: я умею делать вид, что разбираюсь в великих семейных катастрофах.

Прозвучало всё это чересчур несерьёзно, но Титу её шутливый тон окончательно позволил расслабиться — и он, подхватив его, предложил совместить завтрак с рассказами о семейных делах.

Сквозь стеклянные купола виллы медленно проплывали облака, и Титорам впервые почувствовал, что его никто не осуждает и не вынуждает подгонять мысли к правильному лекалу. Канзия действительно могла слушать — и именно сейчас ему казалось, что где-то в этих пузырях, среди гор и неба, он наконец сможет позволить себе быть собой.

Они пошли на кухню, где не блокировалось творение, и вдвоём приготовили завтрак — каждый создал то, чем хотел угостить. В результате Тит сотворил нечто похожее на суфле и утренний бодрящий напиток, а Канзия приготовила экзотическое блюдо «Сырники», которому научил её Олег. Потом они принесли всё в столовую и завтракали, спокойно болтая.

— А где Семён Олегович? — спросил Тит.

— Он весь в отца, любит поспать.

— Канзия, я всё понимаю, ты классная, ну, не сложилось с мужиком, но почему такое странное имя у ребёнка?

— Почему не сложилось? Всё отлично сложилось, ты даже не представляешь, насколько всё хорошо! А имя — папаша такое дал, в честь своего отца; у них там нормальное имя — Семён.

Тит не стал продолжать разговор на эту тему.

— Сырники классные, научишь, как ты их творишь?

— Ну, слова ты слышал, а остальное наработаешь постепенно, запоминай вкус и ощущения. Давай рассказывай: почему тебе не нравится Нзиза?

— Сложно так прямо сказать... Наверное, тем, что я должен на ней жениться.

— Ну, если девушка хороша и нравится, жениться обычно хочется. Или нет? Или не хороша? Я давно не бываю в обществе, ты знаешь. Я видела её только маленькой, ребёнком — она была вполне симпатичной, немножко заучкой, но прилежность в учёбе — не большой грех.

— Большой, и очень большой! И красота её холодная, вышколенная, и наряды сексуальны настолько, что аж тошно...

— А, так значит, она тебе просто не нравится!? А нравится какая-то другая девушка, верно?

— Другая? Ну не знаю, какая другая... — и тут резкая боль пронзила его сердце при воспоминании о Мзии. От тётки это не укрылось.

— Вижу, есть зазноба на сердце. Давай, колись!

— Да нет, я просто вспомнил о пропавшей сестре Ходера. Мы ищем её, прошла почти неделя, а никаких сведений по-прежнему нет.

— Ну-ка, дай-ка я посмотрю, — и Канзия быстро встала за спиной Тита и стала водить руками вокруг его головы. Через некоторое время она села обратно на своё место и совершенно серьёзно начала говорить:

— Послушай меня, мальчик мой. Хоть никто и не верит мне, но я вижу больше остальных — поэтому и живу так...

— Сейчас, когда я погрузилась в то, что происходит с тобой и с Мзией, я ясно увидела: совсем недавно ты общался с человеком, который её видел — живой. И это было не ранее чем позавчера. Вспоминай: с кем ты пересекался за эти дни? Называй по одному. Будем искать того, кто знает, где Мзия.

— Хорошо, но я за эти дни общался с таким количеством народа...

— Ну что ж, тебе везёт в отличие от меня. Давай посмотрим всех.

Они перебрали всех домашних, включая слуг, потом просмотрели пол Академии. Тут Канзия задержала своё внимание на Арбите Лааворе Кате — она определённо сказала, что он как-то связан с похищением, но Мзию в последние дни не видел. Под её подозрение также попал и отец Нзизы. Тит, в свою очередь, припомнил, что слышал его имя от Стирка — тогда утром, когда они принесли сломанную «Криптулиту» в лавку «игрушек».

— Неужели кто-то из высших может быть в этом замешан? — неуверенно проговорил Тит.

— Что тебя смущает, мой мальчик? Ты считаешь членов Совета непогрешимыми? Политика и управление — очень грязное дело, ты даже не представляешь, насколько грязное.

— Может, тогда пойти и спросить у отца Нзизы, что он знает о похищении?

— Не будь наивным, Титорам. Если он действительно замешан, то тем более ничего тебе не скажет.

— Жаль, что я не могу посоветоваться с отцом. Я так завидую Ходеру: его отец совсем из другого теста, с ним можно говорить обо всём.

— А Ходер всегда завидовал тебе. Вот ирония судьбы... Мой брат — величественный вельможа, уважаемый в обществе; он всегда нравился твоему другу, насколько я помню. А как ему твоя невеста?

— Не знаю, я не говорил с ним об этом.

— Странно, мне казалось — парни тоже любят посплетничать.

Тит метнул на тётку гневный взгляд и ответил довольно резко:

— Мы с Ходером из благородных домов. Нам не пристало опускаться до пересудов о женщинах, тем более женщинах нашего круга.

— Тише, тише, разошёлся. Я так просто спросила. Давай к делу, а то мы расслабились.

И они продолжили перебирать тех, кого Титорам встречал в последние трое суток.

Канзия закрыла глаза, и перед её внутренним взором появлялись образы людей, о которых говорил Тит. Когда он дошёл до Борка, Канзия вдруг остановила его:

— Постой, Тит, — задумчиво сказала она. — Я всё время вижу перед собой образ мальчика — не могу его разглядеть ясно, но он словно мелькал где-то в твоей жизни совсем недавно... Ты не припомнишь, был ли кто-то необычный, совершенно не из вашего круга, но с которым ты встречался дважды за эти дни?

Титорам прищурился, перебирая в памяти бессчётные лица, мелькающие в коридорах Академии, на улицах, в подворотнях Среднего города. Сначала он покачал головой, но потом что-то вдруг щёлкнуло, и он вспомнил свою необъяснимую тревогу в вечерней школе, когда он ждал того воришку и не дождался:

— Вспомнил! Его — его я видел дважды за последние дни. Он не из моих знакомых, и встречал я его при самых странных обстоятельствах!

Тит аж вскочил с места, а Канзия открыла глаза, посмотрела пристально на него и сказала:

— Сто процентов — это он.

Потом взяла Тита за руку, немного помолчала, а затем, странным голосом, будто она была не здесь, продолжила:

— Он связан с нашей семьёй значительно прочнее, чем кажется сейчас, но это всё впереди. Теперь, Титорам, отправляйся, найди его и выясни, где он видел Мзию. Это сейчас самое важное. Помни: он точно её видел. Не факт, что он знает, как её зовут, поэтому опрашивай его подробно.

Тит сердечно попрощался с Канзией и по тоннелю отправился обратно в Верхний город. Путь был неблизкий, а он уже опаздывал на намеченный семинар в Академии, но это его сейчас волновало меньше всего: он думал о том, как причудливо переплетаются нити судьбы — недаром в нашей религии высшая сила названа «Ткань Вселенной».

Вечером Тит летел домой с огромной скоростью, ещё быстрее в его голове неслись мысли, он думал о том, что в древности все были равны, все творили. Но потом мир разделился. Ведь не зря Священные Тексты гласят, что Ткань Вселенной едина, хоть и неоднородна. Когда-то, на заре времён, каждый голос мог сплести материю, но Великое Разделение упорядочило хаос, сделав из одних людей сияющие нити Творцов, а из других прочную, молчаливую основу бездарных. Жрецы учат, что это жертва ради гармонии узора, но сейчас Тит чувствовал иное: рисунок бытия куда сложнее. Это был бесконечный, многомерный жаккард, где золотая нить вельможи и грубая пряжа уличного воришки могли внезапно переплестись в единый узел, от которого зависит прочность всего полотна. И, похоже, именно «безголовая» грубая нить сейчас держала на себе судьбу одного из величайших Домов Элегмы.

Глава 13 Двойной облом

Утренний семинар в Академии сегодня удался на славу. Титорам шёл в приподнятом настроении по знакомым улицам Среднего города, с каждым шагом приближаясь к мастерской Борка.

После разговора с Канзией план действий выглядел довольно простым: Торшон был заперт в лавке на Нижнем рынке; оставалось выспросить у мальчишки подробно, что он делал в последние два дня, и задача станет решённой — нужно всего лишь добиться, чтобы он вспомнил, где он видел Мзию, и пойти на это место.

Мысли текли ясно, не отвлекаясь на суету города. А если Борку удалось восстановить «Криптулиту», возможно, дальнейших поисков не потребуется — останется взять с собой Ходера и освободить Мзию. Даже на рынок за мальчишкой идти не придётся.

Окрылённый надеждой на скорое освобождение девушки, он сам не заметил, как оказался возле дома Борка. Он на мгновение задержался, прислушиваясь к происходящему внутри, и уверенно постучал. Дверь отворилась не сразу — только после скорого топота лёгких ног по лестнице на пороге возник худой, нескладный подросток в тёмном, засаленном кожаном фартуке: рыжеватые вихры, веснушки, острые плечи и встревоженно-радостный взгляд. Это был всё тот же болтливый подмастерье Борка — он выглядел особенно возбуждённым и сразу затараторил:

— Добро пожаловать, господин Титорам Амбусто Тидра Ти! — приветствовал он гостя, уже указывая дорогу внутрь. — Все наверху, в мастерской: Борк не спал совсем, инженеры тоже, спорили всю ночь, даже самовар не допили.

Мальчишка широко распахнул дверь в мастерскую, впуская Тита, не умолкая ни на миг: — О, господин Титорам, входите скорей! У нас тут всю ночь ни минуты покоя!

Борк с инженерами стояли вокруг стола с фрагментарно собранной «Криптулитой». В воздухе висел напряжённый гул, словно сама комната подрагивала в ожидании чего-то важного. Борк, с воспалёнными от бессонницы глазами, но предельно собранный, коротко приветствовал Тита поклоном и жестом подозвал ближе к столу, где среди разбросанных инструментов сияли бронзовые пазловатые ленты «Криптулиты».

— Почти всё собрали, — хрипло пояснил он. — Осталась пара голографических дорожек — пришлось некоторые соединители делать заново. По Мзии — вот они, — он указал на тонкие ленты с еле различимыми светящимися письменами, — здесь её имя, часть связей, вот — план. Но чего-то не хватает — тот самый узел доступа с левой кромки. Без него... не уверен, что увидим даже общий маршрут, не то что конкретное положение. Коды к входному замку — и не мечтай. Но вот от последней двери код есть точно — вопрос, как до неё добраться, — и он показал на переливающийся тёмно-синий фрагмент.

Индрит, пожилой инженер в потрёпанном халате, лицо и руки которого были перепачканы сажей и металлической пылью, осторожно подвинул артефакт ближе к Титу.

— Пробуем запустить в таком виде, иначе рискуем всё испортить окончательно. Если оживёт — информация о последних перемещениях должна высветиться. Только... запуск лучше делать вам, господин Титорам: от творящего блока идёт отклик на голос Первой касты; может, как раз хватит для полного пуска.

Борк подал Титу ключ и коротко бросил:

— Твори.

Тишина за столом стала густой: каждый ждал, что произойдёт дальше. Воздух над артефактом задрожал, будто натянутая струна.

Титорам, чувствуя напряжение всех присутствующих, аккуратно взял ключ, стараясь не дать эмоциям сбить дыхание, — и вложил его в особый паз «Криптулиты». Ленты на мгновение затаились, внутренний свет потух, и вдруг вспыхнул с новой силой.

Тит глубоко вздохнул, ощутив под пальцами лёгкую вибрацию — будто артефакт ждал не прикосновения, а голоса, способного его оживить. Он наклонился ближе, чтобы взгляд упал прямо на центральную точку выхода голограммы, и тихо произнёс:

— Мзия Хор Дер Га, отзовись.

Металл теплее засветился у самого основания — с еле слышным треском пришли в движение дюжины гравированных полос, жужжание усилилось. «Криптулита» медленно зашевелилась: с её поверхности в воздухе раскрылся голографический снимок, в котором возникли не всегда совпадающие слои, несколько незавершённых проекций — и, наконец, сфокусировалась точка ярко-фиолетового света, которая развернулась в сложную схему: цепь подземных ходов с несколькими дверями, окружёнными надписями. Яркая метка мигала возле подписи: «Район VI, мусорный сектор „С“, камера 12В». Рядом высветилась строка: «Активная изоляция. Доступ — по уровню: особый. Ловушки: КРТ».

Тит на миг опустил руки, давая улитке завершить вывод информации. Борк и инженеры придвинулись ближе, подмастерье смотрел на это с раскрытым ртом. Никто не решался первым нарушить тишину.

— Всё, — наконец выдохнул Борк, — путь есть. Осталось только... найти коды от дверей и ловушек.

— А разве обычным инструментом нельзя сломать двери? — поинтересовался Тит.

— Ага, сломал один такой, — сыронизировал Индрит. — Это мусорные катакомбы, построенные не одним поколением Крикунов: ломаешь дверь — и тут же получишь погребение под горами мусора.

Под напускной иронией Тит почувствовал в словах Индрита глубоко скрытый страх. Видать, он попадал в переделки на мусорных свалках за Нижним городом — и немудрено: фракция Инженеров, хоть и была элитным подразделением, всё же относилась к касте Охранителей; вероятно, в молодости он служил в войсках.

— Надо найти в «Криптулите» информацию о том, какие «крикушные ловушки» расставлены. Называются они все КРТ, но могут быть совершенно разными — это особый тип охранных систем, которые используют остаточную энергию голосового поля Крикунов, встроенную в архитектуру катакомб на самых уязвимых участках. Наверное, в мутных, нераскрывшихся слоях голографической схемы и есть информация о КРТ.

— Сколько времени понадобится, чтобы дособрать «Криптулиту»? — спросил Тит.

Инженеры молча топтались с ноги на ногу, чесали затылки — видно было, что точный ответ на этот вопрос известен только Ткани Вселенной.

Тишину, повисшую в мастерской, нарушил стук в дверь, затем размеренный топот — в дверях мастерской появился Ходер. Его лицо было напряжённым и бледным, взгляд — нетерпеливым и тревожным.

— О! У вас всё получилось! — восторженно воскликнул он. — Так не надо терять время, давайте перенесём план на надёжный носитель и вперёд — на штурм мусорного ада!

— Молодой господин, ваше нетерпение вполне объяснимо; мы все разделяем ваши опасения по поводу судьбы сестры, но ваша горячность уже стоила нам всем бессонной ночи, — погасил его энтузиазм Индрит.

Ходер покраснел, его ярко-голубые глаза стали колючими.

— Я знаю за собой эту вину и не понимаю, зачем мне опять об этом напоминает человек из касты Охранителей, — а сам злобно зыркнул на Тита, как бы говоря: «Какого чёрта ты им рассказал, что это я?»

— Мы хоть и из более низкой касты, но дело своё знаем, в отличие от...

Явно назревавший конфликт остановил Тит: он сделал это ритуальным поднятием руки. Этот жест — «остановитесь» — был понятен всем кастам: если кто-то из Совершенных подавал такой сигнал, а за ним не наступало беспрекословное подчинение — следовала молниеносная кара. Детей учили правильно реагировать на этот жест сразу после того, как они произносили первые слова. В данном случае Тит вряд ли собирался нанести кому-то урон творящим словом — просто остановил непродуктивные препирательства Индрита и Ходера самым эффективным способом.

— Ходер, лучше уймись, давай на этот раз без экспромтов. Индрит, расскажи подробно, но не слишком, о КРТ.

— Хорошо. Вот как они работают и чем опасны:

1. Реакция на звук и вибрацию:

Катакомбы буквально пропитаны сетью капсул — положенных в стены, пол и потолок. Они откликаются на любой негармоничный или слишком сильный звук, на неразрешённые по частоте колебания, резкие шаги или даже определённые ключевые слова-триггеры. Если кто-то не из своих пытается открыть дверь, шепнуть заклинание, или просто двигается слишком быстро — ловушка «просыпается».

2. Эффект Крикуна:

В момент срабатывания из узких расселин вырывается резонансный импульс — не физический всплеск, а нечто вроде усиливающегося эхо-проклятия. Звук преобразуется в вибрацию, которая передаётся по всей системе ходов и превращает твердые отходы мусорных наслоений в подвижные лавины или смертоносные ленты, мгновенно перекрывающие путь или даже захоранивающие нарушителя. Некоторые участки могут резонировать до такой силы, что происходит временный разрыв пространственной структуры — и человек оказывается будто бы «за стеклом» этих тоннелей, в ловушке без выхода. Но это вряд ли включают для охраны тюремной камеры, это у них стоит от войсковых операций нашей касты Охранителей.

3. Химические и тактильные эффекты:

Если реакция недостаточно быстрая, срабатывают вторичные системы — выделяются пары кислот или разлагающие ферменты (реальные наследия «утилизаторских» лабораторий), делая дальнейшее продвижение невозможным. В некоторых местах пол мутирует в рыхлый «кислотный песок» или липкие плёнки-ловушки, которые невозможно пересечь без специального знания. Такой тип вполне может быть использован для охраны пространства перед её камерой.

4. Защита от творящих:

Особо опасные «КРТ» блокируют не только движение и звук, но и поле творения — внутри зоны действия практически любые артефактные или магические слова становятся не просто бесполезными, а могут обратиться против самого творца: искажение смысла слова или обратка, причиняющая вред или временно лишаящая дара. Это придумано чисто для содержания ваших в их вонючих тюрьмах.

5. Последствия срабатывания:

Активировав КРТ-ловушку, человек рискует не только своей жизнью — часть аварийных «крикунских» ловушек развёрнуты так, что сигнал о втором прорвавшемся «творце» мгновенно уходит наверх управителю всей сети. После этого, катакомбы могут прийти в полную блокировку, а спасательная экспедиция сверху уже невозможна.

Такой уровень защиты существует только в самом критичном секторе катакомб и поддерживается самой кастой утилизаторов — с негласного одобрения Верхнего города.

— Да, ладно!? — воскликнул Ходер возмущённо. — Так уж всем этим наши рулят? Вам лишь бы всех собак повесить на первую касту.

— Оставьте эти вечные споры, кто виноват, нам сейчас необходимо понять, как действовать, — оборвал их перепалку Тит.

— Ходер, я тоже мечтаю о той минуте, когда смогу... ну, в общем, когда мы освободим Мзию.

— Титорама Амбусто, у вас же есть невеста, а у меня вдруг возникло подозрение, что вы влюблены в мою сестру? — сказал Ходер, включая свой обычный ехидный тон.

— Так, молодые люди, вы нам или не мешаете, или уходите, — сказал Борк, всё это время молчавший.

— Бессмысленно лезть на свалку, не имея полностью развёрнутой схемы прохода. Да и точка входа, пока видна лишь приблизительно, плюс-минус 300 метров, я вас уверяю, вы даже не заметите дверь, когда будете стоять в метре от неё, если у вас нет шифра, — как бы ставя точку в разговоре, добавил Индрит.

Тит с досадой выдохнул — он понимал: спорить нет смысла, Индрит прав, поспешишь — людей насмешишь, и всё такое... Но, как же обидно, что вчера они не были столь же рассудительными. Ещё мгновение его мучили эти горестные размышления, но тут он вспомнил наставление Канзии. Будто наконец смирился с существующими ограничениями и решительно пошёл к выходу, жестом показав Ходеру следовать за ним.

— Пока мы тут торчим, я забыл, что Канзии сегодня удалось прозреть. Это касается того воришки с рынка, — он обернулся к Борку:

— Где сейчас Торшон? Ты говорил, он всё ещё у тебя в сарае? Надо поговорить с ним.

Борк устало махнул рукой, как бы указывая, где сидит мальчишка:

— В боковой кладовке, в лавке. Я прикажу подмастерью проводить вас туда мимо кузнечиков.

Наконец в действиях Тита и Ходера появилась определённая цель: они отправились вслед за проводником в Нижний город — и впервые за несколько суток ощутили, что начали действовать не вслепую.

До лавки Борка с кузнечиками добрались быстро. Когда подмастерье открыл дверь кладовки, Тит решительно поблагодарил парня:

— Спасибо за всё... Дальше мы сами.

Но осёкся:

— Где он?

Кладовка оказалась пуста. Торшон исчез, будто его тут и не было никогда.

— Противный пацан выбил вон ту форточку и сбежал, — указывая под самый потолок, сказал подмастерье.

— О, Ткань Вселенной! Почему нас преследует облом за обломом?! — громко завопил Ходер, всполошив механических кузнечиков в лавке.

Решили идти в сарай, где в полумраке сидел пленённый Стирк. Он расположился на ветхом ящике, мрачный и отрешённый: руки крепко сцеплены на коленях, подбородок уткнул в грудь. Услышав шаги, он не сразу поднял голову — в глазах тлеяла усталость и злость пополам с безразличием.

— Стирк, — начал Тит, стараясь говорить твёрдо, но без нажима, — нам нужен Торшон. Где его искать?

Стирк неохотно глянул на вошедших, провёл языком по губам и сплюнул в угол.

— Я есть хочу.

Тит без разговоров опустил блокатор и сотворил для него лепёшку и кувшин с водой. Ходера аж перекошило, когда Тит протянул Стирку тварную еду.

— Вот же хорошо живётся верхним: захотел пожрать — снял свой намордник, и вот тебе еда, — бурчал Стирк, уплетая лепёшку.

— А что вам Торшон? — фыркнул он, когда закончил жевать, — его, что хозяин отпустил? Пацан мелкий, зачем понадобился? Дом его рядом со свалкой, но вряд ли он туда пойдёт,

если знает, что его ищут. Если сильно прижмёт, уйдёт на ночлег к дяде — Галюку, лачуга его за третьей мусорной башней.

Стирк отвёл взгляд, но после паузы добавил:

— Понять бы, для чего он вам нужен, может и помогу найти, если меня обещаете отпустить. Сейчас будет прятаться не дома, а в какой-нибудь дыре ближе к рынку, где движняк. Или у старого Груба — это вон те вечно дымящие сараи у западной границы свалки. Найти его непросто, если затаился.

— Спасибо, — коротко бросил Тит, на ходу уже перебирая в голове маршруты. — Если вспомнишь ещё что — дай знать Борку.

Стирк только пожал плечами и отвернулся.

Когда они закрывали сарай, уже заметно стемнело. Тит помедлил на пустом дворе лавки, посмотрел в сторону калитки, ведущей на рыночную площадь. Возвращаться домой не хотелось — опять разговоры о предстоящей дурацкой свадьбе, о том, почему не был в Академии на очередной скучной лекции, и всё такое.

— Пойдём ко мне, — предложил Ходер негромко, будто подслушал его мысли. — У меня переночуем, а утром опять к Борку — я думаю, так будет быстрее.

Тит с благодарностью посмотрел на друга, принимая приглашение, и они двинулись короткой дорогой через тёмные переулки и дворики Нижнего города к мосту над площадью Среднего, ведущему к Северным воротам.

Глава 14 Отец Ходера

Дом семейства Хор Дер Гармор Ди находился довольно далеко от дома Титорама, поэтому вероятность встретить кого-то из членов семьи или слуг была невелика — что не могло не радовать Тита.

Тит и Ходер шли бок о бок, после долгого дня, не принесшего особых результатов, шли не торопясь, молчали — разочарование, неприятный попутчик.

— Ну и чего ты киснешь? — первым нарушил тишину Ходер, решивший разрядить обстановку. — Ещё чуть — и сам себя в мусорный компост спишешь. Радоваться надо: у тебя свадьба на носу с самой прекрасной девушкой на земле!

Тит горько усмехнулся.

— С самой прекрасной? Ну не знаю. По мне, так твоя сестра в сто раз краше. Меня хотят женить, а не я хочу жениться — чувствуешь разницу? Меня даже не спрашивают, просто ставят перед фактом.

А Нзиза... да, она красавица. И умна, и из древнего рода. Но это всё — не про меня. Я не хочу быть жертвой на семейном алтаре ради величия семьи.

Ходер остановился под сенью светящегося растения, покрывшего лица друзей бликами, словно веснушками, и внимательно посмотрел на Тита:

— Ты странный, честное слово. Да если бы мне кто предложил Нзизу в жёны!

— Я знаю, — вздохнул Тит, чувствуя, как эти слова отдают горечью в груди. — Знаю, что положено радоваться, но не могу. Жизнь по чужому сценарию — это не про радость, мой друг.

— Ну, прямо не знаешь, чего хочешь, — с едва заметной улыбкой пробормотал Ходер. — В нашем мире мало кому вообще удаётся жениться по любви. Достаточно, что Нзиза — красотка и хорошая партия, и вообще, я тебе завидую, если честно.

— Завидуешь? — вдруг подозрительно прищурился Тит, усмехаясь, но незаметно для друга, так как они шли с надвинутыми блокаторами, — И зачем ты вообще столько говоришь о Нзизе сегодня, будто сам мечтаешь попасть ей в женихи?

Ходер усмехнулся, но в голосе его не было ничего, кроме привычной саркастической нотки:

— Я, может, и не против! Если бы не знал тебя с пелёнок, давно бы отбил у тебя невесту, а ты — только ноешь да увливаешь от разговора с отцом. Откажись от неё открыто — и я тут как тут!

— Так ты влюблён, Ходер! Признавайся!

Ходер вздохнул театрально, закатив глаза к небу:

— Вот уж нет! Это ты, похоже, влюблён в мою сестру, — парировал он и прямо посмотрел в глаза другу, — можно подумать, никто не замечает, как ты краснеешь, когда Мзия смотрит в твою сторону.

Тит предпочёл не развивать тему, просто обогнал Ходера и пошёл вперёд по узкому мостику над ручьём, стремительно бегущему вниз.

Они поднялись на самую окраину северного сектора Верхнего города. Дома элиты не просто тянулись на десятки метров вверх — выглядели, словно легкие осколки кристаллов, застывшие под нависающими небесными мостами и висячими садами. Всё здесь было пронизано мягким светом — в воздухе сияли тысячи светлых, жемчужных огней, что свисали с ветвей фантастических деревьев, а под мостами почти беззвучно струились прозрачные каналы.

Вилла Ходера и его семьи возвышалась у самого края искусственного озера, словно вырезанная из света и тумана.

Её стены, пронизанные золотистым сиянием, не просто отражались в воде — они сливались с гладью озера, создавая ощущение другого пространства, более широкого, чем в реаль-

ности, где каждый луч обретал двойника, а каждый узор складывался в безупречную зеркальную симметрию.

Вода отражала мерцающую мозаику теней и света от парящих островов-светильников, мать Ходера была признанной мастерицей в творении световых композиций. Кованая калитка, больше похожая на причудливое украшение, чем на реальную преграду, с лёгким щелчком открылась перед Ходером — тот пропустил Тита внутрь, не прекращая подтрунивать по поводу его женитьбы, несмотря на то, что тот перестал поддерживать неприятный разговор.

Всё пространство говорило о принадлежности владельцев к высшей касте, и всё же, несмотря на помпезность сияющей виллы, Тит чувствовал себя уютно — будто ему наконец дали передохнуть и собраться с силами перед следующим витком событий.

В нижнем холле они встретили отца Ходера. Хор совсем недавно пришёл домой из Академии, и ещё не успел переодеться.

— Господа, — его голос прозвучал глухо и в то же время обволакивающе, — рад видеть вас целыми после опасных дел внизу. Титора́м Амбусто, дом Дер Гармор Ди всегда открыт для тебя, пусть и в такое позднее время.

Он внимательно посмотрел на сына и похлопал его по плечу — одобрение читалось в каждом его движении.

— Надеюсь, поиски были не напрасны, удалось добыть новую информацию? — без длинных предисловий, сразу переходя к делу, спросил он.

Тит едва заметно склонил голову в ответном приветствии — не слишком низко, как полагалось в подобном случае, — и бегло взглянул на Ходера. В глазах читался немой вопрос: «Он что в курсе? Он знает?»

— Не парься, Тит, отец всё знает о наших делах, — словно услышав его мысль, произнёс Ходер.

Хор пригласил их пройти в кабинет — туда, где глухие стены, покрытые живыми картинами, обещали уединённость для продолжения разговора.

Они вошли за ним, дверь почти бесшумно закрылась, отделив их от холла, мерцающего, как хрусталь. Здесь царил строгий порядок: стены из голографического стекла с бегущими поверху световыми линиями, полки с архивами на гравированных пластинах и планы древних проектов, слабо различимые снизу в сизой синеве подсветки.

Первым заговорил Ходер, почти не теряя делового тона, который сам невольно перенял у отца:

— Борк с командой практически не выходит из мастерской уже сутки, отец. Криптулита восстанавливается, большая часть схем готова, но слои с кодами от ловушек даются сложнее всего; завтра обещают довести до ума, если не случится какой-нибудь сбой.

Ходер продолжил, не сводя глаз с отца, сидящего в высоком кресле:

— Как только схема будет собрана полностью, можно сразу выдвигаться — если ты позволишь, мы пойдём вдвоём.

— Вдвоём? Нет, так рисковать не стоит. Завтра — Верховный Совет; я запрошу команду из Тайной стражи и группу из Охранителей. Соваться на свалку вдвоём — безумие!

— Хорошо, — согласился Ходер, возможно, только для вида, чтобы успокоить отца. — Пока же у нас ещё появился один след. Я услышал от Стирка одно имя — Суарэ.

Отец резко поднял глаза.

— Суарэ? — в голосе звучало явное сомнение, даже удивление. — Думаю, что это ошибка или ложный след. Кто такой этот Стирк?

— Стирк — главарь шайки подростков «Железный палец», из Нижнего города, — коротко ответил Ходер.

— Ну и откуда, по-вашему, подростку со свалки может быть известна фамилия благородного дома?

Тит вкратце рассказал о налёте на лавку Борка на Нижнем базаре и более подробно остановился на допросе Стирка:

— Мы допрашивали его вместе с Борком. Стирк не сам затеял налёт — его послали. Он сказал, что приказ шёл с самого верха: ограбить лавку игрушек и взять улитку — только её. Сам он не знал, зачем она нужна, но краем уха уловил пару имён — из разговоров тех, кто передавал задание. Назвал фамилии: Суарэ Нифуджви и Харика. Он не мог придумать — таких имён в Нижнем городе не знают, как вы справедливо подметили.

— Ещё Канзия накануне, когда я был у неё, рассказала — в состоянии транса ей открылось, что Торшон, тот самый воришка с рынка, недавно видел Мзию. Мы пытались поговорить с ним, но он сбежал, — добавил Тит. — Стирк назвал все возможные укрытия, где его искать — будем проверять завтра.

Отец Ходера задумчиво водил пальцем по стеклянной столешнице, рисуя абстрактный геометрический узор, который вспыхивал бирюзовыми оттенками.

— Значит, перво-наперво надо найти этого мальчишку. Если Криптулиту не соберут в срок, используйте завтрашний день для поисков. Завтра утром — Верховный Совет Старейшин; сообщу, если появится новая информация или будут приняты какие-то решения.

Взгляд его на миг стал мягче.

— Сегодня вы заслужили отдых. А завтра придётся действовать быстро, не оглядываясь на Совет. Идите отдыхать.

Тит и Ходер поклонились отцу, выразили жестами пожелания доброй ночи и вышли из кабинета, оставив Хора с его невесёлыми думами о судьбе дочери.

Он долго оставался один в своём кабинете. Хора не покидали мысли о фамилиях, названных каким-то оборванцем с Нижнего рынка, — но поверить в причастность к похищению дочери кого-либо из Благородных Домов он был не в силах.

Глава 15 Злоключения Торшона

Наскоро позавтракав вместе с господином Хором, который собирался на утреннее собрание Большого Совета, Тит и Ходер решили пропустить нудную конференцию в Академии и отправились прямо в мастерскую Борка.

Инженеры с хмурыми лицами и красными от бессонных ночей глазами возились над кучей разрозненных деталей — стало ясно: за вчерашний день и ночь «Криптулиту» так и не завершили. Послушав какое-то время болтовню рыжего подмастерья о ходе ночной работы и о том, как мастера даже спали по очереди, друзья, посоветовавшись, отправились на рынок за Стирком. Ходер неожиданно свернул к лавке булочника, расположенной в соседнем квартале от дома Борка.

— Решил отведать рукотворного хлеба? — удивился Тит.

— Не дождёшься. Даже если мне отрежут язык, я заставлю тебя творить мне еду — но есть это... Это для Стирка. Не хочу, чтобы ты кормил его неподобающей едой, — с обычной для него ноткой сарказма ответил Ходер.

— Та-ак... А откуда у тебя деньги Среднего города? — заинтересовался Тит и тут же полез в свою сумку: у него-то они, понятно, водились, но Ходер считал общение с «низкими» людьми недостойным себя.

— Не рыскай — у тебя позаимствовал, — абсолютно нагло признался Ходер. — Знал ведь, что не дашь.

— А зачем тратить деньги Среднего города на еду, когда сотворить её ничего не стоит?

— Много чести для Стирка. И потом — сотворённая еда даёт человеку не только физические силы. Вообще, это запрещено.

— Ты такой законник... И как ты вообще можешь дружить со мной — не понимаю, — на этот раз съязвил Тит.

— Вот именно. Только из дружбы я до сих пор не рассказываю твоему отцу про твои дела.

— А что я такого делаю? Вот тебе помогаю искать сестру. Если б мой отец узнал, сидеть бы нам обоим под замком. Тебе с отцом повезло, в отличие от меня.

— Ну не знаю, Титорам Амбусто Тидра Ти: вам всё плохо — невеста красавица не для вас, великий отец — третий по статусу человек на земле, избранный глава Совета — вам не нравится... Эх, поменяться бы местами: вы — в семью тринадцатого советника, я — в семью третьего, да ещё и на дочери первого жениться. Красота!

— Да мне нравится твой отец. И мне всё равно — тринадцатый он или первый: он тебя понимает, с ним всегда интересно, он опытный творец, умеет держать себя в руках, как никто. Да, я восхищаюсь им и не отказался бы быть его сыном. Хотя, конечно, я люблю своего отца — но откровенности между нами никогда не было.

— Всё, пришли. Доставай ключи из сумки, — оборвал разговор Ходер у ворот лавки Борка на Нижнем рынке.

Тит быстро достал связку ключей, склонился к невзрачной двери — и через минуту они вошли в прохладное помещение сарая. Стирк сидел на старом ящике, ожидая их всё с той же смесью недоверия и скуки во взгляде. Ходер молча протянул ему свёрток с хлебом. Угощение приняли без слов, но по довольной, чуть удивлённой улыбке было ясно: жест оценен.

— У нас есть для тебя дело, — коротко произнёс Тит. — Поведёшь нас туда, где может скрываться Торшон. Сегодня мы должны его найти.

— А, как насчёт отпустить меня? Вы обещали — моя свобода в обмен на пацана.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться. Будешь хорошо себя вести — так и быть, отпустим.

Стирк лениво размял плечи, испытующе глянул на друзей, словно оценивая свой выигрыш, и, наконец, махнул рукой на выход:

— Идём. Но если его и правда найдём, дальше с ним сами договаривайтесь — я своё отработал.

Втроём они вышли из сарая, прошли через внутренний дворик, прикрыв за собой ворота, растворились в суете рынка. Когда они добрались до дома Торшона, на пороге их встретил старик, взглянувший исподлобья поверх очков: чужаков, да ещё таких благородных, здесь не ждали.

Ходер ограничился скупым кивком; Тит, стараясь не напугать хозяев, коснулся груди — жест, означающий «я пришёл без дурных намерений».

— Мы ищем Торшона, — без предисловий, но довольно мягко сказал он.

Старик молча вглядывался в незваных гостей, словно решая — стоит ли говорить с ними начистоту. Секунды тянулись. Наконец, почёсывая красную шею и кряхтя, нехотя открыл дверь пошире.

— Проходите, — буркнул он, — только мальчика всё равно нет. Два дня его нет — с тех пор как ушёл с утра пораньше, так и нет его. Наверное, с друзьями своими где-то на свалке лазает.

Старик помолчал, будто о чём-то раздумывая, затем всё же продолжил:

— Но вы не первые сегодня пришли с расспросами. Побывал тут уже один — неприятный, нелюдимый... Судя по виду, с нижних свалок.

Он поджал губы и понизил голос:

— С утра пришёл, весь дом обыскал, меня за грудки тряс. Спрашивал, где Торшона искать.

Мать всё это время стояла за спиной деда, сжимая край фартука. Она с беспокойством оглядывала гостей, словно пыталась что-то спросить, но не решалась.

На прощание старик бросил ещё:

— Если увидите мальчишку раньше, чем его найдёт тот мерзавец, скажите — пусть домой пока не возвращается.

Он проводил гостей до двери, выжидательно посмотрел им вслед, будто надеялся услышать хоть какое-нибудь объяснение, но господа удалились не проронив ни слова. Информация о том, что Торшона ищет кто-то ещё, только усилила их тревогу.

Гронт Жваст, который внимательно наблюдал за утилизацией трупов во дворе лавки Борка, всегда мечтал о крупном деле. Обычно он бродяжничал по помойкам, гонял мальчишек, собирал дань с утилизаторов для незаконной фракции «Защитники потока» — так все называли мусорную мафию, которая держала в страхе не только свою касту, но и всех крестьян за границей свалок. Но на этот раз ему впервые доверили работу поважнее мелких поборов: организовать налёт на лавку Борка. Гронт всю распускал язык, намекая, что «верхние» сами затеяли новую серьёзную игру и скоро тут всё будет по-другому.

Теперь, когда всё пошло прахом — кто-то погиб, лавка Борка оказалась под надзором механических тварей, а сам Лок, противный мальчишка, мёртв, — Гронта сковывал холодный страх. Он знал: провал — худшее, что может случиться в их мире. Если наверху узнают, через кого идёт ниточка, не сносить ему головы — оборвут без раздумий. Хуже того, мальчишки могли рассказать о его болтовне, о названных высоких именах — если, конечно, они их запомнили, но кто знает. Стирк и Торшон, оставшиеся в живых, если дадут слабинку на допросе или просто заговорят ради спасения... Всё, крышка.

Сразу после побега из кладовки Торшон не рискнул возвращаться домой, зная, что именно там его будут искать первым делом. Он направился к хахалю матери, Сорлиту, — в

лачугу у старой стены, что нависала тенью над южной частью свалки, где торговали на барачных развалах всем подряд. Ему показалось, что там он сможет на какое-то время затаиться.

Но едва переступив порог, он сразу почувствовал тревогу — атмосфера в доме была напряжённой, как бывает в тот миг, когда молния уже сверкнула, а гром ещё не прогремел. Сорлит стоял посреди комнаты с перекошенным лицом и, как-то неловко скрывая кисти рук перед собой, от кого-то невидимого, стал махать ими, как бы показывая: «Выметайся и поскорее». Через секунду за его спиной вырос Гронт — шкафообразный, с жёсткой мимикой и злым блеском в глазах.

— Ну, наконец-то, пацан. Долго ждал, — процедил он, выходя из тёмного угла комнаты.

В животе у Торшона ухнуло, по спине пробежал холодный пот. Он отступил назад в дверной проём и кинулся вон из лачуги, слыша за собой топот тяжёлых сапог. Гронт несясь по барахолке, сшибая прохожих. Добежав до свалки, Торшон принялся петлять в мусорных завалах.

Он мчался по непролазным тропам, ловко ныряя между груд мусора и остатками абстрактных творений. Гронт не отставал, но и не приближался, кричал вдогонку, обещая поймать и «разделать как мусорного хряка».

Торшон почти выбился из сил, когда оказался у загоронок, расставленных Крикунами. Недолго раздумывая, он нырнул за проволоку и скрылся в знакомой дыре, почти не заметной снизу — месте, где пару дней назад случайно увидел загадочную пленницу, которая до сих пор снилась ему в самых страшных снах. Сейчас же ему было всё равно — лишь бы не попасться Гронту.

Гронт тормознул, не рискнул лезть за ограду, тем более что потерял мальчишку из виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.